

Депутат Верховного Совета СССР писатель Л. М. Леонов

ОГОНЁК

№ 14 АПРЕЛЬ 1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПОКА ВИШНИ СПЯТ

150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. И. ГЕРЦЕНА

ЧТОБЫ НЕ ОСТАНОВИЛОСЬ СЕРДЦЕ...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

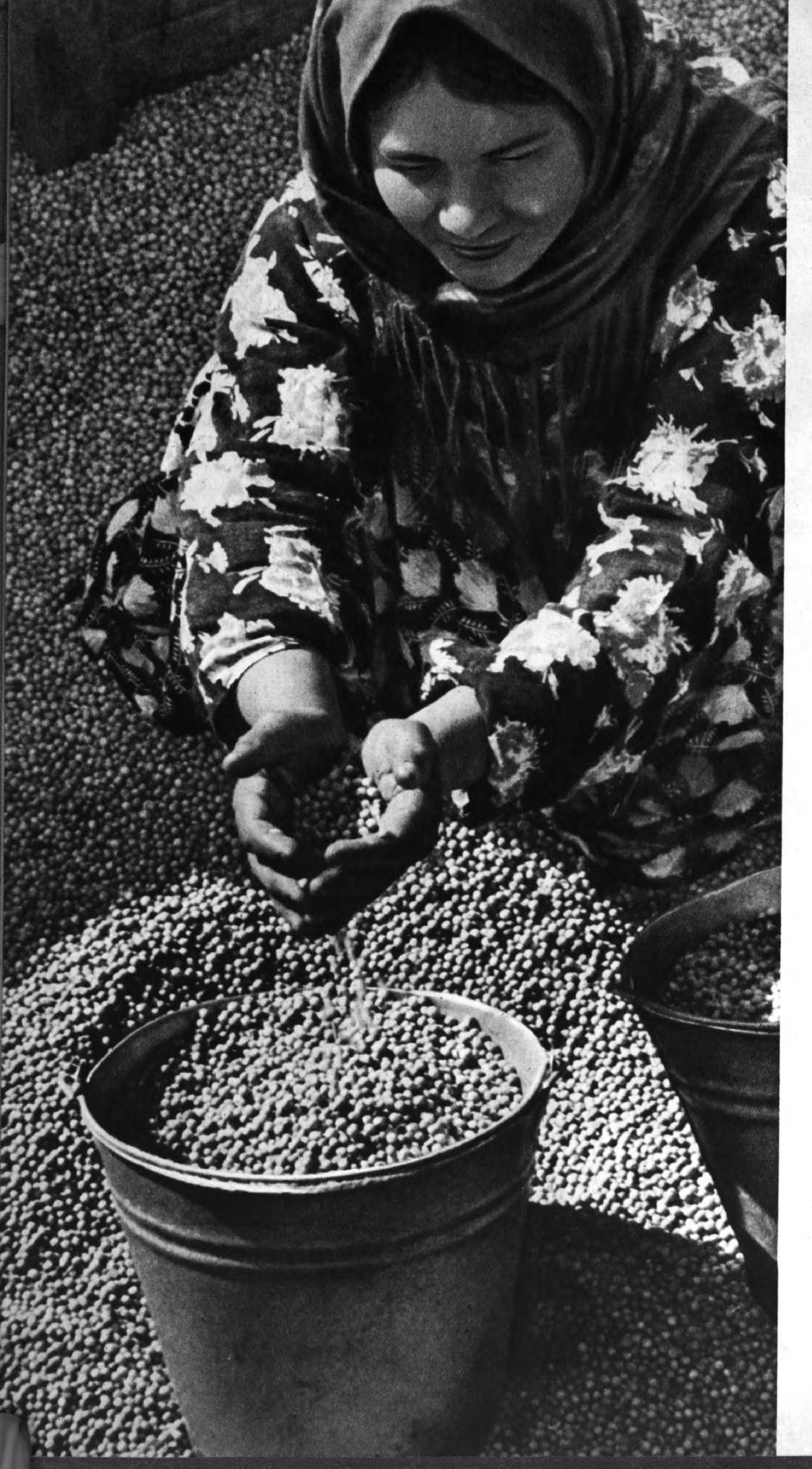
ОГОНЁК

№ 14 (1815)

1 АПРЕЛЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В Азербайджан пришла весна. Начались полевые работы в колхозе «Первое мая», Астрахан-Базарского района. На снимке: подготовка семян гороха к посеву.

Фото Я. РЮМКИНА.

СОВРЕМЕННОСТЬ, НОВАТОРСТВО, ТРАДИЦИИ

Съезд советских композиторов

26 марта в Большом Кремлевском дворце открылся Третий Всесоюзный съезд композиторов СССР. В зале музыканты, чьи имена хорошо известны советскому народу. На съезд прибыли зарубежные делегации из многих стран мира.

Бурными аплодисментами встречают участники съезда руководителей Коммунистической партии и Советского правительства во главе с товарищем Н. С. Хрущевым и единогласно избирают в почетный президиум съезда Президиум Центрального Комитета партии.

Секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов огласил приветствие Центрального Комитета КПСС, обращенное к съезду.

В своем докладе первый секретарь Союза композиторов СССР Т. Н. Хренников сказал:

— Партия призывает всех деятелей литературы и искусства к смелой новаторской разработке тем современности. Для подлинного искусства современности очень важно не потерять связь с традициями, с магистралью развития мировой прогрессивной культуры. Мы защищаем традицию не потому, что, как утверждают ревизионисты, наше искусство косно или ретроспективно, а потому, что мы рассматриваем нашу социалистическую культуру как итог духовного опыта человечества за все время его существования.

Что предпринять, чтобы еще более приблизить творчество композиторов к нашей кипучей жизни? Как сделать музыку еще более содержательной по мысли и совершенной по форме?

Эти важные вопросы, горячо волнующие сегодня советских музыкантов и всех друзей советской музыки, обсуждались на съезде.

На снимке: бурными аплодисментами встречают участники съезда руководителей Коммунистической партии и Советского правительства во главе с товарищем Н. С. Хрущевым.

Фото Е. Умнова.

Герою Кубы

Фидель в переводе означает «верный». Имя Фидель Кастро Рус — это имя человека, верного революции, своей родине, своему народу. Мужественному кубинскому борцу за мир недавно были вручены диплом и медаль лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

«Эту медаль,— сказал Фидель Кастро, выступая на торжественной церемонии,— присудили нашей революции, нашей революционной марксистской родине».

На снимке: академик Д. В. Скобельцын вручает Фиделю Кастро почетную награду.

Фото Пренса Латина — ТАСС

(Снимок принят по фототелеграфу.)

ПУТЬ ПРАВДЫ
РАБОЧАЯ ГАЗЕТА
Во вторник 22-го апреля номер газеты „Путь Правды"
О юбилейном номерѣ
День рабочей печати

Почтовая открытка, выпущенная для пополнения железного фонда «Правды» в 1914 году.

Первая ласточка великой весны

Высокий седоусый человек остановился у подъезда шестиэтажного здания. Внимание привлекла мемориальная доска: в этом доме на Социалистической, 14, почти пятьдесят лет назад вышел первый номер большевистской газеты «Правда».

Почти полвека минуло, как Василий Сергеевич Кудряшов — впрочем, тогда он был для всех просто Васей, совсем юным металлистом — проходил утренней зорькой во двор этого дома. Там он забирал кипу пахнущих краской листов и торопливо шагал на Франко-Русский завод, где судостроители нетерпеливо ждали свою любимую газету.

Сколько лет прошло, а Василий Сергеевич до сих пор может наизусть без запинки прочесть стихи Демьяна Бедного, опубликованные в первом номере «Правды»:

Полна страданий наших чаша,
Слились в одно и кровь и пот.
Но не угасла сила наша:
Она растет, она растет!

— Если бы вы знали, как быстро облетели завод эти стихи! — говорит Василий Сергеевич.— Я хорошо помню, как тогда, в 1912 году, Владимир Ильич Ленин назвал «Правду» первой ласточкой той весны, когда вся Россия покроется сетью рабочих организаций с рабочими газетами.

Вместе со старым коммунистом Василием Сергеевичем Кудряшовым (он вступил в партию в том же году, когда родилась большевистская «Правда») мы входим в дом, где печатался первый номер газеты. Нынче здесь большая типография Ленсовнархоза. Иногда сюда по давней привычке заходят старые большевики, которые помнят, в каких трудных условиях приходилось издавать «Правду» до революции.

— Вот здесь пятьдесят лет назад стояли печатные машины,— рассказывает старый коммунист, ныне персональный пенсионер Лев Яковлевич Линдорф.— Напротив, вон там, видите, была проходная. Печатники могли видеть из окон, когда в проходной появлялась полиция. Да вот читайте, тут много любопытного.— Л. Я. Линдорф подает нам чудом уцелевшую стенограмму тридцатилетней давности.

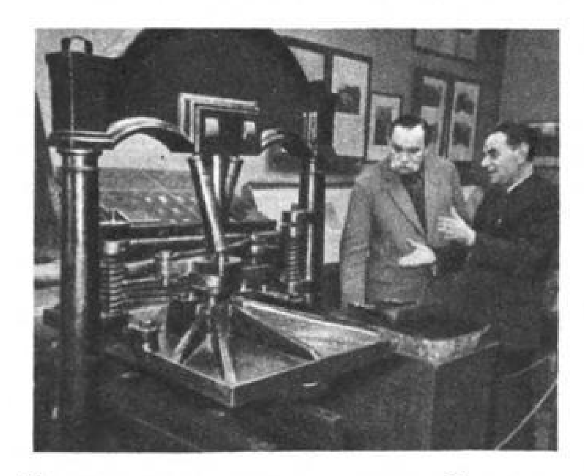
Это было в 1932 году. Партийная организация созвала ветеранов, печатавших «Правду». Их рассказ застенографировали. Читая эти воспоминания, живо представляешь обстановку, в которой приходилось работать издателям «Правды». Полиция под всякими предлогами пыталась сорвать выпуск рабочей газеты, задержать ее выход. Наборщики были всегда начеку. Едва по лестнице застучат сапоги, со стола редактора будто вихрь сметал оригиналы, набор.

Уйдут полицейские, и жизнь вновь идет своим чередом. В типографии появляются Н. Г. Полетаев, К. Н. Самойлова, Н. И. Подвойский, М. С. Ольминский... Приносят сюда статьи В. И. Ленина, А. М. Горького, идут рабочие с заметками. Часто здесь можно было видеть первого официального редактора «Правды» Михаила Егоровича Егорова. По существовавшим правилам, полиция могла арестовать редактора за серьезные цензурные нарушения.

— Человек я был молодой, одинокий,— рассказывал на собрании тридцать лет назад М. Е. Егоров.— Работал наборщиком «Правды», а подписывал газету за редактора. Первый номер прошел гладко, потом был наложен штраф, стали посещать нас «дорогие» гости. Вначале арест заменяли штрафом. Платили, платили за меня, а потом редакции денег не хватило! Надо идти садиться,— продолжал Егоров.— Пошел. Посадили в одну камеру вместе с мазуриками. Все там были оборванные, а я в шляпе... Между прочим, мне был дан наказ редакции, чтобы я писал заметки. И я написал о порядках в Нарвской части... Когда в «Правде» появилась заметка, вся полиция всполошилась. Вызывает меня смотритель и говорит: «Я не знал, что вы редактор. Вы извините меня, пожалуйста, что я не могу посадить вас в лучшую и отдельную камеру...» Затем меня судили сразу за тридцать девять дел — за статьи, помещенные в «Правде»,— и отсидел я больше года...

«Правда» звала трудящихся на борьбу. Рабочие не только активно писали в газету, но и материально поддерживали ее. Непрерывно поступали средства, собранные в железный фонд «Правды». В типографии сохранилась почтовая открытка, изданная массовым тиражом. Вся выручка от ее продажи поступила в фонд «Правды».

К. ЧЕРЕВКОВ

На этом станке делали оттиски «Правды». Слева направо — старые коммунисты В. С. Кудряшов и Л. Я. Линдорф.

Фото Н. Ананьева.

Интервью «Огонька»

ИМЕНИ П. И. ЧАЙКОВСКОГО

В памяти еще живы и долго будут жить впечатления, которые оставил первый в истории музыки Международный конкурс имени П. И. Чайковского в Москве, блестящая победа молодых музыкантов: американца, пианиста Вана Клиберна, и нашего соотечественника, скрипача Валерия Климова.

Но вот снова лучшие концертные залы советской столицы предоставлены музыкантам, оспаривающим в творческом соревновании почетное право быть лауреатом конкурса имени великого русского композитора.

О растущей во всем мире популярности крупнейшего музыкального соревнования свидетельствует то, что на этот раз заявили о своем желании участвовать в конкурсе молодые музыканты тридцати двух стран — пианисты, скрипачи, виолончелисты. Чрезвычайно широка география, которую представляет эта музыкальная молодежь: от Финляндии до Австралии, от Японии до Мексики.

Высок художественный уровень соискателей почетного звания лауреата. В их числе хорошо известные музыкальному миру молодые исполнители: виолончелист Лесли Парнас (США), скрипач Майкл Дейвис (Англия), пианист Жак Клейн (Бразилия), пианистка Марина Мдивани (СССР), виолончелист Ласло Мезё (Венгрия) и многие другие, уже прошедшие успешно испытания на серьезнейших традиционных музыкальных конкурсах в Париже, Брюсселе, Нью-Йорке, Женеве, Праге...

Широко известные, признанные авторитеты вошли в составы жюри, которые возглавляют народный артист СССР профессор Эмиль Гилельс (пианисты), народный артист СССР профессор Давид Ойстрах (скрипачи), заслуженный артист РСФСР профессор Мстислав Ростропович (виолончелисты).

В воскресенье первого апреля у подножия памятника П. И. Чайковскому будут возложены цветы. Вечером того же дня в Большом Кремлевском Дворце съездов состоится торжественное открытие конкурса.

НОВОСЕЛЬЕ

БУДУЩЕЕ ТРЕБУЕТ

Писатель Леонид Максимович Леонов снова избран депутатом Верховного Совета СССР. Люди молодого города-порта Беломорска, что встал почти у самого Полярного круга, труженики края чистых далей и могучих лесов отдали свои голоса автору «Русского леса», литератору-гражданину, сумевшему сочетать в своем творчестве высокое мастерство романиста с философскими раздумьями о великой судьбе родного народа.

Снимок, который вы видите на обложке журнала, сделан в Карелии. Мне случилось быть там вместе с Леонидом Максимовичем Леоновым. Встречаясь со своими избирателями, он проехал по всему побережью Онежской губы, побывал в отдаленном поморском селе Нюхча, в леспромхозе Маленьга, в поселках водников, у строителей... Всюду завязывались интереснейшие беседы, в которых звучала живая, государственная забота людей Беломорья о своем крае, думы о событиях последнего времени, обновивших течение жизни.

Взволнованно делился писатель своими размышлениями, рожденными огромным жизненным опытом.

«...Все помнят,— говорил он,— беззаветный энтузиазм и почти беспримерный в российской истории трудовой пот, пролитый нашим народом для оснащения индустрией первого на свете социалистического государства. Не забыты еще также неукротимо властный характер и некоторые другие крайности человека, более четверти века простоявшего во главе нашей жизни и деятельности. Отпечаток личности своей он настолько глубоко наложил на все без исключения области нашего общественного бытия, что доныне, не без боли порой, приходится удалять его следы и последствия. Но лишь теперь, когда постепенно улетучивается гипноз этого имени, становится очевидным, что издержки народные могли быть еще крупней, если бы трудолюбивый наш народ в своем стремительном и, несмотря на сопровождающие его потрясения, победном движении к цели не перекрывал своею верой и оптимизмом вред этой крутой и непомерно тяжкой воли...»

О великих свершениях народа, ставшего хозяином своей судьбы, говорил писатель:

«Первые космонавты и создатели мирных ракет, проектировщики радиотелескопов, синхрофазотронов и

На пресс-конференции, посвященной II Международному конкурсу имени П. И. Чайковского. Выступает председатель Оргкомитета конкурса Д. Д. Шостакович.

Фото А. Конькова и В. Егорова (ТАСС)

На следующий день в Колонном зале Дома Союзов и в Большом зале Московской консерватории начнутся первые туры скрипачей и виолончелистов. Пианисты вступят в творческое соревнование несколько позднее — с пятнадцатого апреля.

Мне хочется от всего сердца пожелать большого успеха нашим гостям и нашим соотечественникам, талантливым представителям современного музыкального исполнительского мастерства.

Дмитрий ШОСТАКОВИЧ

Спектаклем «Цирк зажигает огни» начал свои выступления в превосходном театральном здании Московский театр оперетты.

Фото С. Мишина.

ЗАРЯ СВОБОДЫ НАД АЛЖИРОМ

Анри Аллег — читателям «Огонька»

— Хорошо, я запишу сейчас вопросы «Огонька», но отвечу на них в Москве.

— В Москве?

— Да. И скажу вам не по секрету, что у меня уже билет на самолет, отлетающий в понедельник из Праги.

Счастливый голос нашего далекого собеседника медленно, но очень весело и уверенно произнес по-русски: «До скорой встречи!»

В первый раз за все долгие месяцы нашего заочного знакомства с Анри Аллегом мы расстались, чтобы встретиться уже не у телефонного аппарата, а на московской земле.

...Через два дня после этой беседы мы встречали Аллега в Шереметьевском аэропорту. Сразу попав в шумное окружение старых и новых своих друзей, Анри едва успевал отвечать на все вопросы коллег — журналистов. Вдруг он спохватился и сказал, смеясь:

— Одному из вас я, кажется, сумею ответить даже в письменном виде.

Он достал из кармана пальто два листа бумаги и протянул нам.

— Я это сделал в пути.

Вот что написал по дороге из Праги в Москву для читателей «Огонька» их давний знакомый — автор «Допроса под пыткой» и «Бойцов в плену», член ЦК Алжирской компартии товарищ Анри Аллег:

Свобода!

Я оставил так много близких мне друзей в тюрьмах и лагерях, что все эти дни после прекращения огня в Алжире бесконечная вереница имен встает передо мною. Пока, к сожалению, у меня нет никаких вестей о тех, о ком мне хотелось бы уже сегодня знать, что они живы, что они на свободе и в строю. Каждый алжирец получил теперь право вернуться к себе, и все вместе, самые маленькие и большие, помогли обеспечить этот мир в тяжких и долгих боях за Родину. Я верю, что очень скоро начну получать первые радостные вести от тех, перед кем раскрылись и раскроются в эти дни двери камер и ворота тюрем.

Когда я летел к вам, мне вспомнились слова поэта: «Если бы пришлось все повторить, я снова пошел бы тем же путем». Я думаю, что эти чувства, выраженные поэтом, владеют моими товарищами по мукам и борьбе. Ведь все мы мечтали об одном и том же — о свободе Алжира. У большинства, огромного большинства, в эти дни радость смешивается с болью, в памяти всплывают дорогие образы тех, кто не дождался этой минуты. Мы все сегодня думаем о павших в сражениях и погибших на гильотине. Каждый, кто обрел уже свободу и не нашел в разоренной стране своих родных, разбросанных повсюду, а то и вовсе уже не существующих, повторит, упрятав далеко свою боль, слова поэта, которые вспомнились мне по дороге из Праги в Москву.

За эти несколько месяцев, которые прошли со дня моего побега, я был не только на чудесной земле Чехословакии, но увидел и Кубу. Там до меня было несколько делегаций моих соотечественников. Одну из них возглавлял Бен Юсеф Бен Хедда — глава Временного правительства Алжирской республики. Всех нас там встречали необычайно радушно, кубинцы проявляли самые искренние симпатии к народу Алжира. Меня поразило, с каким вниманием следили жители острова Свободы за борьбой, которая происходила так далеко от них — в Алжире. Фидель Кастро не раз повторял, что борьба алжирцев против мощной колониальной армии помогла бойцам Сьерры-Маэстра осознать, что народ, который хочет жить свободно, не может быть побежден никакими грозными силами колониализма. Нам, алжирцам, тоже есть что позаимствовать из опыта мужественного, свободолюбивого народа Кубы.

И еще мне хочется сказать советским читателям, что никогда — ни в тюрьмах, ни в лагерях, ни на полях сражений — ни один алжирец не хотел смешивать колонизаторов-угнетателей с трудовым народом Франции. Сегодня, когда торжествует Алжир, французы, боровшиеся за то, чтобы покончить с «грязной войной», празднуют вместе с алжирцами великую победу. Если бы французские правительства, сменявшиеся за эти годы, если бы де Голль за последние четыре года хотели бы этого, война стоила бы нашим обоим народам меньше крови и слез. Теперь нашим двум народам надо соединить усилия для того, чтобы покончить с убийцами из ОАС и установить новые и добрые связи между обеими странами, основанные на взаимном уважении прав и независимости Алжира и Франции.

других современных инструментов исследования, советские покорители вещества, пространства и самых недр подземных, водители сверхскоростных машин, так часто залетающих за горизонт воображения, словом, вся эта пытливая, ненасытная, хотя порою уже седая поросль есть плоть от плоти самых что ни на есть трудовых низов вчерашней России, связаны с вами узами родства или дружбы, соседства или современничества. Наверное, и у сидящих в этом зале найдутся сыны или внуки, племянники или свояки, ставшие инженерами гигантских заводов или командирами воздушных экипажей, разлетевшихся из-под отцовских кровель по лабораториям секретных институтов, по штабам, цехам и факультетам самой передовой науки, а если нет пока, значит, устремятся в завтра и наверняка дальше нынешних — в ледяные недра Антарктиды, на постоянные спутники-станции в окрестностях нашей планеты, а то и в служебную командировку на все еще бесхозяйственно-пустующую Луну... Шутки шутками, но ведь эти молодые корешки, проникающие в самые дремучие залежи бытия, в необжитое разумом будущее, это и есть мы, народ...»

Нашла, конечно, свое отражение в разговоре с людьми лесного края давняя забота писателя-депутата о лесе.

«...Считаю необходимым сокращение годовой лесосеки за счет более разумного использования срубленной древесины, которая ныне бесполезно захламляет порубки, тонет в реках, распыляется в виде опилок, сучьев, корней и прочего ценнейшего органического сырья, из которого ваши ближайшие соседи готовят не только спирт, и всякие там фурфуролы, но и просто кормовые дрожжи для скота. Добрые повадки позволительно перенимать и у чужих, которые, кстати, собственную щепу чуть ли не в картузах уносят домой с лесосек, а из обильного уплывающего в открытое море нашего северного сплава строят аккуратные, на скандинавский образец, поселки. ...Пока мы ведем этот разговор, наверное сотни негасимых костров пылают на карельских лесосеках. Я запустил бы в леспромхозах подвижные, вроде трелевочных тракторов, подвижные заготовительные механизмы для паковки отходов загубленной лесной красы в крупные брикеты.

Догадываюсь, что эти давние мои лесные раздумья были косвенной причиной моего выдвижения в Верховный Совет СССР от вашего края, где никогда не смолкает пила. Все это не писательская причуда на старости лет, а содержание настойчивых писем, во множестве поступающих ко мне отовсюду, от Сахалина до Карпатских гор, от патриотов — учителей, краеведов, лесников (которым, к слову, пора бы встретиться на всесоюзном съезде для неотложного разговора о делах и нуждах своего детища) — с требованием установления строжайшего государственного надзора за родной природой, вплоть до создания государственного комитета по ее охране.

...Всех нас ждут еще большие, незаконченные дела, потому что будущее, которое мы ждем с таким нетерпением, начинается почти сейчас, через минуту. Будем же исполнять свой долг перед Родиной, будем множить ее силу и достояние и как зеницу ока оберегать мир, который наравне со здоровьем есть непременный спутник человеческого благополучия: без него нечего думать и говорить о счастье».

Н. СТОР

Николай БЫКОВ

ПОКА

I

Эх, Теребило ты, Теребило!.. Як родился ты, Теребило, Обломовым, так Обломовым и умрешь... Да повернись же ж ты, Теребило, лицом к курям, к колхозу, к людям! Они ж от тебя дела ждут, участия твоего, беспокойства. А ты им шо зробыв? Ну шо ты за людына така, Теребило! Коммунист! Ниякый ты, Теребило, не борец, не хозяин, нет!.. Курям твоим голодно, яиц от них нэма... Ну хозяин ли ты, кажи, Теребило, если половину яиц потерял? Отвечай!..

— Шо ж я отвечу... Черт его знае, як воно получилось...

— Ну, заволнуйся, Теребило! Квохчи, сам яйца неси — только не стой, волнуйся, хлопочи!.. Нэма у тебя, Теребило, энтузиазму! Малопродуктивная ты людына, Теребило, вот и все!..

Я стою в стороне, я вслушиваюсь, как корит председатель колхоза Луку Теребилу, заведующего птицефермой. Вслушиваюсь, запоминаю каждое слово, каждую интонацию... Нет, то не просто разнос. Вовсе даже не разнос. Боль в голосе председателя. Чем больше равнодушия в непробиваемом молчании или в случайных отговорках Луки, тем больше боли в словах председателя. И не за «куре́й», угадываю, та боль — за «малопродуктивную людыну»...

Утро. Колхоз на севере Черниговской земли. За лиловым частоколом близкого ельника — белорусское Полесье. Сквозь ряднину низких туч сочится солнечный свет. Первый, весенний. Темнеют под сырым ветром снега и оседают, темные. Все выше санные дороги...

В деревне на спящих вишнях гроздьями висят воробьи — орут, ошалевшие от первого тепла. И еще петухи — эти тоже орут. Отчаянно, с вызовом! И спросонья вразнобой — в тысячу горл!.. Солнце, ветер, неумолчные воробьи, трубачи-петухи — все это означает март, самое начало марта, весны, а значит, и нового года на земле.

— То к чему они, Теребило?

— Шо?

— К чему, я кажу, петухи гомонят?

— Та я не знаю, шо воно такэ... Мабуть, витаминов нэма, чи шо...

— Эх, Теребило ты, Теребило! — теперь уже с улыбкой сокрушается председатель.— Ну, якый же ж ты селянин? То к перемене погоды они гомонят! Чув? К великой перемене!..

Все выше солнце, все громче деревенская разноголосица. И ветры пахнут по-весеннему — старым снегом, свежим навозом, скорыми дождями. А петухи кричат и кричат. К перемене...

С птицефермы возвращались молча.

— Давай, Миша, на Замглай. Посмотрим, як торф сегодня идет,— только и сказал председатель. Щурясь на солнце, он смотрел на пробегающие поля...

II

Вот уже несколько дней я здесь, в репкинском колхозе «Жовтнева перемога». Постепенно попривык к его людям, уже многих отличаю, узнаю. Яснее лица, характеры, позиции... Мне уже известны заботы, хватка и сокровенное председателя колхоза — Якова Андреевича Гандыша.

В то утро по дороге на Замглай — на болото, где летом колхоз заготовил горы торфа и откуда его сейчас вывозят на поля для компостирования и на фермы для подстилки,— я думал о Гандыше, о предвесенних буднях деревни.

Приехали на Замглай. Торфяной курган, початый с одного края. К нему подходят один за другим самосвалы, тракторы с тележками-саморазбрасывателями. Могучий погрузчик подхватывает гигантским совком торф и опрокидывает его через плечо в подставленный кузов. Три-четыре богатырских броска — и машина уходит.

По темной дороге меж мартовских полей тянется вереница самосвалов и тракторов с тележками. Кажется, они уходят со своим грузом на все лето, как корабли купцов уходят в сказках за море, чтобы вернуться через год полными золота. Верится: эти машины вернутся осенью, полные хлеба...

Мы поднялись на торфяной курган. Яков Андреевич расстегнул черный полушубок. Приятно припекало. Председатель смотрел на солнечные поля, отороченные голубым мехом близких перелесков. Что виделось председателю под ветхим снежным покрывалом? Супесь здешней земли? Болота? Желанная доза удобрений? Молочные реки?

— А ты знаешь, як деревня наша называется? Записал? — неожиданно спросил меня Яков Андреевич.

— Свинопухи. А что?

— Не... То не Свинопухи теперь. Теперь Вышнэвэ,— круто выговорил председатель.— Вишневое — вот як! А все потому, шо не хотят люди жить по-старому, а хотят люди нового, красивого... У нас вишни много. В мае все бело! Вишня тут спокон веков была, та вроде не замечали ее. Свинопухи — дурацкое название, но его, мабуть, тоже не замечали?

Да, о красоте здешней деревни говорить пока не приходится. Деревня как бы вывернута наизнанку: все улицы слепые. Как так? Да так уж повелось: избы рубятся в глубине усадьбы, а на улицу выходят только базы́ — скотные дворы, амбары, погреба, да и те спиной к прохожему стоят. Даже центральной улицей идешь, как по глухим задворкам. Какая уж тут красота! Оказывается, она рядом, за этим база́ми из темных тесин, в глубине дворов, где довольно просторные избы утопают в молодых и старых вишенниках.

И вот, пока вишни спят, люди переименовали свою деревню. Нелепое, отталкивающее название сменили на новое — легкое, весеннее.

А Яков Андреевич уже заговорил о другом.

— Скоро тут ноги не вытащишь. Надо спешить с торфом. И с навозом тоже. Без удобрений гектар нечего и гектаром называть, он все равно обернется старой немощной десятиной.

Я уже знал, что в прошлом году в «Жовтневой перемоге» намолотили по 17,4 центнера зерновых с гектара. На круг. По этим местам такого не бывало! Урожай в сто пудов и больше — о таком не мечтали. Или, вернее, только мечтали... Что же, лето было на редкость удачным, но не все же гром — хоть что-нибудь значат и агроном, и председатель, и механизаторы.

— Давно ли пашутся эти земли? — спросил я Гандыша.

— Эге! Уж так-то давно, что и не скажешь... Земли, можно сказать, никудышные. Кислые. Супесь. Ты подывысь на поле. Отмерь мысленно квадрат — сто метров на сто. То он, гектар. От него и танцуем.

Яков Андреевич хорошо знает земли колхоза, хотя председательствует здесь он всего два года. Раньше был головой по соседству, в Го́лубичах, в колхозе имени Кирова, лучшем в районе. Тринадцать лет! И вот привезли славного в районе Гандыша к соседям в Свинопухи — тогда это слово еще не коробило слух. Избрали Якова Андреевича дружно, много не гомонили: знали его. Кое-кто, правда, поежился — этот дремать не даст. И не ошибся. Кое-кто мрачно шутил: «Побачим, як воно з сала та на воду переходить». И ошибся. Не новому голове, а колхозу пришлось переходить — с воды на сало.

Начал Яков Андреевич с азов — с ликвидации долгов в банке, со строительства, с безобманной оплаты трудодня. И с заботы о гектаре — вот об этом самом.

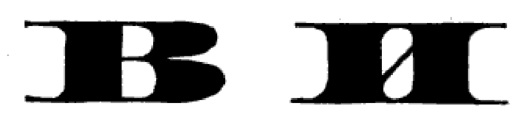
Прошло два года. Урожаи зерна выросли вдвое. В феврале бухгалтерия подвела итоги за 1961 год: молока на стогектарку произведено 232 центнера, мяса — 72 центнера, а свинины — больше, чем по стокилограммовой свинье на каждые два гектара пашни!

— Приходилось ли тебе читать Тимирязева? — спрашивает меня Яков Андреевич.— Того же Вильямса?.. Они у меня на столе. Разный у них был подход к земле и к растению. Когда это поймешь, тогда и все поймешь...

Мне приходилось читать и Тимирязева, и Вильямса, и Прянишникова. И много раньше и вот уже совсем недавно, когда остро встал вопрос: быть или не быть травополью — ясной и, казалось, безупречной системе земледелия? В Вишневом мне еще и еще раз припомнилась лекция-поэма Климента Аркадьевича Тимирязева «Наука и земледелец», которую он прочитал в 1905 году. В этой публичной лекции он исходил из той глубокой истины, которую услышал однажды Лемюэль Гулливер, любознательный герой Джонатана Свифта, во время одного из своих многочисленных странствий. Что же это за истина, высказанная два века назад? Король Бробдингнега считал, что всякий, кто вместо одного колоса или одного стебля травы сумеет вырастить на том же поле два, окажет человечеству и своей родине бо́льшую услугу, чем все политики, взятые вместе.

Что же нужно сделать, чтобы разрешить эту задачу о двух колосьях? — спрашивал Тимирязев.— Кто принесет эту разгадку? Наука,— отвечал он.— И прежде всего наука о растении. Потому что истинный кормилец крестьянина не земля, а растение, и все искусство земледелия состоит в том, чтобы освободить растение и, следовательно, и земледельца от «власти земли».

— Помните? Освободить земледельца от власти земли! — воскликнул Яков Андреевич, будто продолжал мои мысли.— Удвоить урожаи зерновых и кормов на том же поле! Тот король великанов был не дурак... А ведь Вильямс, наоборот, ставил нас во многом в жесткую зависимость от земли, например, от ее структурного состояния. Структурная земля — ты король и герой труда, а бесструктурная — будь доволен малым. А на шо же тогда наука, прогресс? Техника на шо, химия? На шо нам, хлеборобам, та генетика, кибернетика и весь твой атомный век?!

Ветер сдернул серый полог низких облаков, и небо словно обрушилось всей своей световой мощью на поля. Слепило глаза. По дороге вышагивал озабоченный грач. И еще один. Они прокричали что-то резкое и устало полетели к деревне. Видно, разведчики, и не нашли они еще ни одной проталины...

Высоко, кажется, где-то там, за самим солнцем, белым и все еще холодным, гудел самолет... Атомный век, век химии и кибернетики, что ты и вправду принесешь людям Вишневого?

...Вчера в правлении, где обычно к вечеру собираются на наряд бригадиры, а колхозники так просто — посидеть, покурить, один пожилой механизатор хвалился:

— Ох, було, було... Бачишь, по девяносто копеек при Гандыше получили! Перемножь на десять — получишь старыми. Це дуже гарно! А шо було? Рупь двадцать в пятьдесят девятом, а выше и не взлетали. Це як воно, можно було дыхать?.. Нынче шо — телевизация! И тракторов, и комбайнов, и

автомашин разных понакупляли. Бачил — две антенны вже телевизорные? Телевизация у колгоспе!..

Мы спустились с торфяного кургана, пошли в ослепительную даль придорожного поля. Председатель снова заговорил:

— Так шо ж нам переживать за то травополье? Мы вот вывезем по двадцать тонн удобрений на каждый гектар и будем спокойны. А на будущий год по тридцать вывезем! Вот он, гектар, лежит под ногами, дывысь на него. То тебе не доска иконная в десять тыщ квадратных метров, а средство производства!

Хозяйская хватка у Гандыша мертвая, вернее, живая! Он продал солому — купил тракторы и саморазбрасывающие тележки. Теперь с осени возят торф, удобрения. И до него было здесь болото, да не хватало техники распотрошить это золотое дно.

— Так шо ж нам робыть? Вырваться из власти супеси! Вот тут и выручают пропашные плюс химия. Тимирязев о двух колосьях говорил — мы их взяли. Теперь возьмем три и четыре... Вильямс все заботы земледельца перекладывал на травы. Так то ж нереально и недостойно хозяина земли!.. На нашем гектаре клевер редко подводит, нам он ниякый не враг, но двадцать тонн перегноя, минеральные подкормки да глубокая зябь даже по супеси, да гербициНияк не можно! Вот тут и трэба шукаты, трэба быть хозяином земли. Гектар всегда тот же, и не в твоей власти его поменять на наикращий. А шо сеять, як работать на гектаре,— то дело твое!

Только не пиши, что мы довели овес и клевер до нуля... Эге! То б мы были поганы хозяева. У нас лошади, а им трэба овса. У нас еще концы с концами в кормовом балансе не сходятся, и нам в мае нияк не можно без клевера. И доброе сено в рацион скоту трэба, а клевер у нас дает по три укоса...

Гектар, «его плодородие» гектар! Какой же разный ты: бедный и щедрый, немощный и могучий, глухой и отзывчивый. К Вербычам и Голубичам — земля получше, на Замглае — болота... Годовой доход колхоза — шестьсот тысяч новыми, и это все от щедрот «его плодородия» гектара. Колхоз уже в январе — в первом же месяце года! — сдал четырнадцать с лишним центнеров свинины на стогектарку вместо одного в 1960 году — и это заслуга «его плодородия»! Колхозники получили на трудодень раз в десять больше, чем два года назад,— и это тоже из кассы «его высокоплодородия» гектара!..

Машина за машиной проходили мимо нас — в поле, в поле, в поле. С торфом, с навозом, с готовым компостом.

ными глазами, затаил обиду. Новый голова придирается... Но вот уже при мне произошел случай, показавший, что жизнь обошла этого человека на дистанции, он безнадежно отстал, но добровольно с дорожки не уходит.

Как-то утром агроном Люба Федорченко обнаружила: в молодом саду побывали зайцы, кора многих деревцов повреждена. Надо составить акт. Председатель вызвал Куксача. Явился — грузный, небритый, ко всему равнодушный. От всех обвинений отрекается: «Нэма следов... Нэма...»

Председатель вышел из себя: садись в машину!

Едем все вместе в сад: председатель, агроном, я и пунцовый Куксач. За хранилищем минеральных удобрений «газик» с ходу влетает в сугроб. Ныряем под жерди — в сад. Проходим цепью между молодых пробуждающихся деревцов, которые так и остались на зиму не обвязанными. Есть и заячьи следы, есть и погрызы, много погрызов... Нет только совести у Егора Куксача.

— Цэ ж тилькэ зубком взяв...

Председателю, как бы ни был он энергичен и прозорлив, нужна опора, нужны многие умелые и сильные руки. А главное — головы: ясные, грамотные, знающие. Таких колхозу очень и очень недостает. Молочной фермой заведует вчерашний милиционер. Забегался мужик: «Послушания нипредседатели, в них нуждаемся. Давно бы надо в соответствии с новыми условиями определить права и обязанности колхозников, взаимоотношения колхозов с государством, а еще вернее — их взаимообязательства.

...Целый день эти слова Якова Андреевича не выходят у меня из головы. Мы снова мотаемся по бригадам и фермам. Бегут под колеса раскисшие, холодные, занавоженные дороги. Воробьи возле фермы устроили сходку. Орут все разом — ни регламента тебе, ни перерывов, видно, многое наболело за зиму!.. Ревут буги, выдавая свое присутствие,— район-то давно велел порешить с ними... Солнце, много солнца,— петухи вчера были правы!

— Ты вот часто поминаешь слово «производство»,— возвращаясь к давешнему разговору, сказал по дороге к новым хранилищам Яков Андреевич.— А ведь мы, середнячки, и все те, кому пока издали подмигивают маяки, только-только начинаем одолевать стихийные начала!

Речь зашла об организации труда, о твердом планировании. Твердый план, заранее продуманная технология, прогресс, наконец, гарантия в успехе — это все в городе.

— Возьми промышленность. Там, мабуть, есть свои трудности, но там действительно производство! А у нас? Я не кажу за погодные

ШНИ СПЯТ

ды — разве все они зараз не сильнее в десять раз того заслуженного клевера?..

По-новому глядел я на то же самое поле. Лежит под снегом незримый квадрат сто на сто, а силы его, по существу, не меряны. Серьезные у гектара взаимоотношения со своими хозяевами. Год назад бухгалтерия колхоза перечислила на его счет десять тонн органических удобрений, почти сто трудодней да еще пять рублей, которые пошли на покупку минеральных удобрений. Осенью гектар, в свою очередь, перечислил на счет колхоза 214 рублей! Довольно щедро. А как было? В 1959 году на тот же гектар колхоз затратил всего два рубля (в новом масштабе цен).

— Сколько практически можно вложить средств в гектар? — переспросил меня Яков Андреевич.— Пределы не заказаны. Мы сейчас закупили и вносим гипс, известь, минеральные удобрения, применяли и будем применять гербициды. Возим аммиачную воду и сами готовим гумминовые удобрения, яких трэба в шесть-семь раз меньше, чем навоза. Все, шо соседи не забирают с баз «Сельхозтехники», мы везем до дому. И ему — нашему гектару — отдаем. Другие кажут: у Гандыша руки загребущи! А як же ж? Это твое основное средство производства! Як же ж после такого завета будешь к земле относиться? Погано?

III

Вечером парторг Иван Шовковый, бывший председатель колхоза, рассказывал:

— Сегодня с четырех утра был в первой бригаде. До восьми никто не появлялся. Трохы побомбил их! С Моисеем шо-то делать трэба. Он, мабуть, болен, та и работать не хочет. Побачил, яки у них кони. Як из воды — мокрые, за ночь не отдышатся... Души в них нэма!..

— Кого? — коротко спрашивает председатель, имея в виду, кем заменить бригадира Моисея Селинка.

С кадрами в колхозе плохо. Вспомнился разговор на птицеферме — Лука Теребило, мужчина в летах, долго ходивший в ранге бригадира. Ни грамоты большой, ни жажды учиться, ни великих организаторских способностей.

Или вот Егор Куксач, бригадир-садовод. До Гандыша пользовался авторитетом как овощевод. Новый председатель подсчитал както затраты в бригаде и себестоимость овощей. Оказалось, что ранние огурчики, доставлявшие радость районному начальству, обходились колхозу в копеечку. Более 350 трудодней брал гектар у овощеводов. Многовато. Яков Андреевич прямо сказал:

— За счет других отраслей жить не дам! Никаких дотаций!

Егор Куксач, краснолицый, неряшливо одетый человек со скучкакого, а санкции не применишь...»

— Понимаешь, в колхозе назрели такие вопросы, шо о них нельзя не говорить... Город всегда будет забирать у нас работников. Но он должен давать взамен машины. Побольше и самых разных. А их мало. И вот я, председатель, сегодня в полной зависимости от того, сколько людей вышло в поле, на фермы...

Накануне мы ездили с Яковом Андреевичем по хатам — «шукалы» доярку. Заболела одна, и некому было в вечер доить группу. Самый растел! Каждый день, каждую ночь надо быть возле коров, усиленно ухаживать за только что появившимися на свет телятами, раздаивать их мамаш, а тут на тебе — один раз подоить и то некому. Говорил председатель с одной женщиной, с другой, с пятой,— никто не внял его просьбе.

Это не описка — просьбе, а не требованию.

— Почему вы, Яков Андреевич, все шутками да шутками? А если построже? Вы командир производства!

— То долгий разговор... Я же тебе сказал: назрели такие вопросы, шо... Я был в Киеве, на зональном совещании, слухал Никиту Сергеевича. Ему послали записочку насчет Устава сельхозартели, насчет съезда колхозников. Эге, соображаю, не у одного меня думка про тот Устав и съезд! Очень мы, в колхозе, особенно условия: сгонять и разгонять хмару пока не в наших силах. Не, я о земле, о тех условиях, без яких не можно наладить настоящего производства.

Он долго молчал. Я ждал.

— Пойми, шо разговор этот сырой, тут за формулировками не гонись. А суть... Ты скажи мне: у якого председателя колхоза взрослые дети не в городе?.. Я таких не знаю. А почему? Понятие «вышел в люди» всегда связывают с городом. И в этом есть своя правда. Вот с этим и связаны многие наши проблемы. Слыхал про звания — почетный шахтер, народный артист? В деревне можно полвека ходить за телятами, полвека сидеть на тракторе — и никакого тебе роста. У нас есть шофер, так он в городе был бы водителем первого класса, получал бы за классность, за безремонтный пробег, экономию горючего и запчастей, а в колхозе — лишь доброе имя. Это очень много, но другие-то десять шоферов ему не очень завидуют, за ним не тянутся. Стимулов на то нэма.

Я начинал понимать мысль Якова Андреевича. Дело даже не в наградах, не в званиях. Бронзовых бюстов живым героям труда в деревне больше, чем в городе. Но... Паренек городской идет в ремесленное, в сущности, школьником, а выходит квалифицированным рабочим, получив разряд, который он незамедлительно старается повысить. Через год-два

разряд повышается. С мастерством растет заработок. Проходят годы — изменяются разряды. Парень, полюбивший своё дело, проявивший способности, поступает в техникум. Шлифуются знания. Мастерство оборачивается искусством. Парню доверяют участок, цех. Не отстает от роста мастерства и заработок. Короче, за несколько лет можно пройти путь от ремесленного до космодрома. Есть стимулы, есть и перспектива. Колхозу средней руки хватит и одного электромонтера, одного-двух механиков. Куда деваться другим любителям электротехники и просто техники? А разве нельзя было бы определить в Уставе квалификационные разряды для колхозников — механизаторов, животноводов, полеводов, тех же шоферов?..

Мы пришли на молочную ферму.

В большом четырехрядном коровнике было сумрачно, тепло, вкусно пахло свежим силосом и бардой. В красном уголке животноводов прохладно и светло. За большим дощатым столом завтракали доярки. Здесь мы и продолжили наш разговор, так сказать, на миру.

— Ты спрашивал, почему я уговариваю, а не приказываю. Могу и топнуть ногой, но от того Мотя не побежит швыдче до коров. Демократия! А ты знаешь, шо та демократия сегодня у нас в большом конфликте с колхозным производством, тем самым, которое ты все поминаешь! Нам обидно, очень обидно, когда кажут «колхоз», а имеют в виду беспорядок, безответственность, плохую организацию труда. Но в этом есть и доля истины. Для кого секрет: иной раз уходят сроки прополки, уборки,— кажется, крестьянское сердце не может того выдержать, шоб не рвануться в поле,— и ничего, у некоторых выдерживает, не рвется. Тогда, як частник, накидываешь дополнительную оплату. Ось и думай...

И я думал.

Счетовод Иван Ткач, к которому определили меня ночевать, как-то в долгом — к полночи — разговоре назвал все трудодни, по которым колхоз выдал нынче дополнительную оплату, «бабоднями». Почему так?

— Та як же ж? Только им, нашим женщинам, выплачивается дополнительная оплата. За шо? Они ходят за льном, за свеклой, доглядывают за телятами, копают картофель, сгребают и кладут в стога сено... Теперь дополнительная идет буквально за все работы, где используется в основном женский труд, то есть ручной. Ни кузнецам, ни механизаторам, ни конюхам нет ее — обида у мужиков.

Колхоз нынче выдал на «бабодни» почти 70 тысяч рублей. Тяжким довеском легли они на себестоимость продукции. А верно ли это? Разве не всякий труд в колхозе идет в общую чашу? Дополнительная оплата, может быть, и нужная еще на трудоемких культурах, в общем-то приняла форму подачки тем, кто не хочет систематически выходить на «обычную» работу. Десять копешек сена сложи — десятая твоя, девять плетюх картофеля собери в колхозный бурт, а десятую — в свой мешок.

— У нас так и говорит иной мужик,— рассказал мне счетовод: — Ганна, я, мол, нынче не пиду робыть, сходи ты, тебе дополнительную начислят. А я за кабанчиками догляжу...

Теперь о колхозной демократии. Это — огромное завоевание, слов нет. Но не от первого председателя я слышал и сетования. Действительно, другой раз хочет председатель «прижать» ослушника, лодыря, бракодела и штрафует его — снимает трудодни, а то и усадьбу отрежет, корм для скотины или соломы на крышу не выпишет, лошадь не велит запрягать в лес по дрова... Такого называют самодуром, на такого пишут анонимки в район, в область, в Москву. И верно, нельзя без правления выносить приговор ни лодырю, ни бракоделу. Правление колхоза — верховная после общего собрания власть. А кто в правлении? Давайте будем откровенны. Нынче в колхоз входит несколько деревень. В каждой деревне живут, как правило, люди всего нескольких, считанных фамилий — десятки колхозников, бригадиров, звеньевых, так или иначе связанных родством, кумовством.

Выносит председатель на обсуждение правления вопрос о лишении такой-то семьи усадьбы, поскольку ни одна душа этой семьи не болеет за колхоз. Начинаются прения... Практически единогласия при разборе таких «личных дел» у членов правления не бывает: кум жалеет куму, крестный крестного, племяш тетку, сват сваху, земляк земляка...

Примерно такую же картину нарисовал и Яков Андреевич. Ему тем более трудно: он «не из этой деревни».

Да, командирам колхозного производства и его рядовым нужен Устав. Не тот, что отсебятина, а новый, в котором были бы отражены все великие изменения, происшедшие после рубежного сентября 1953 года, в котором были бы четко определены обязанности и меры трудовой ответственности колхозника, проходящего в своей артели школу коммунизма.

— Обязанности, но и права? — спросил я.

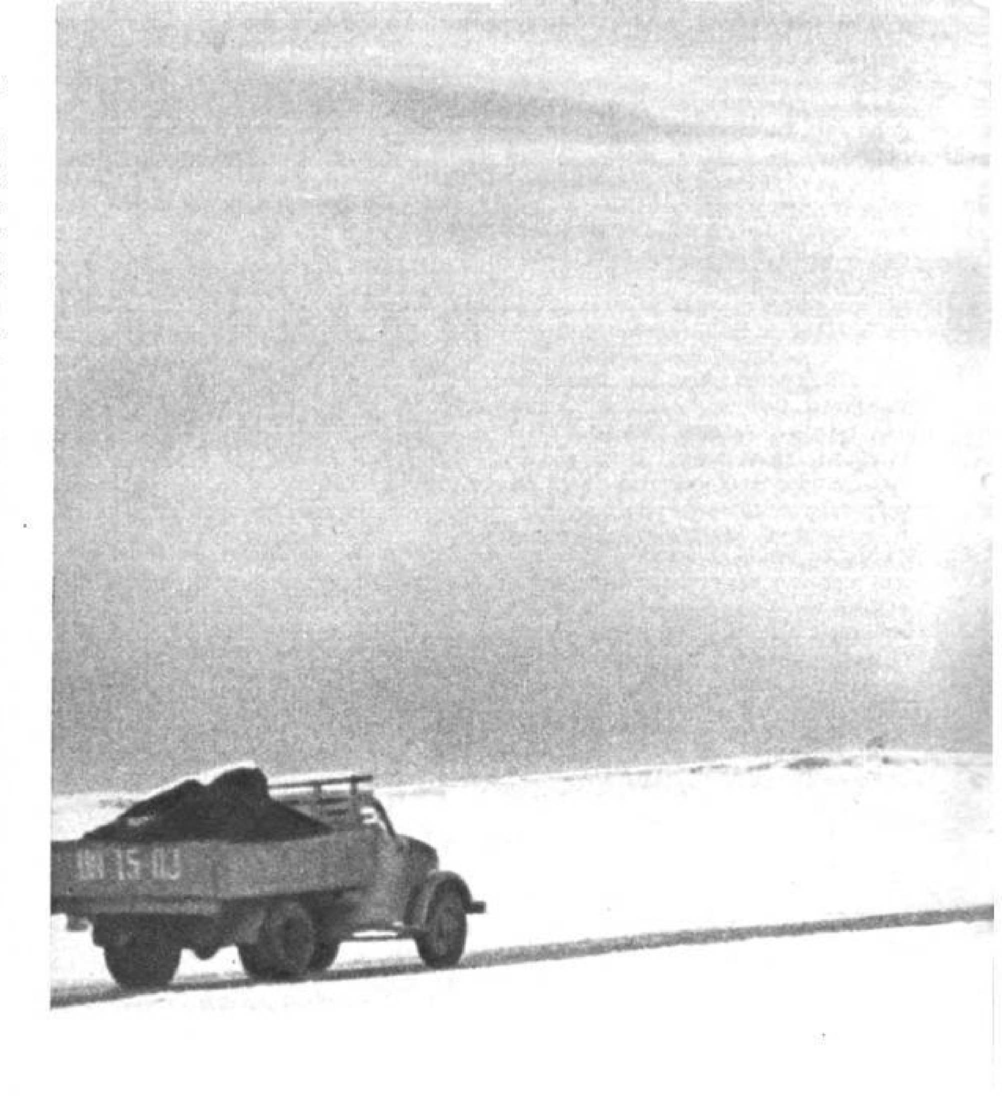
— И права. Тут проблема еще большая. И она деликатнее. Скажу только, шо сейчас у нас нэма пока ни трудового отпуска, ни пенсии, ни оплачиваемых больничных листов, ни гарантированной оплаты...

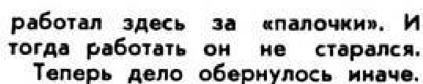
Есть над чем задуматься.

Колхоз — это не коллектив единоличников, а одна из форм социалистического предприятия на земле. Будут определены твердо права колхозника, тогда и правление, председатель, бригадир смогут потребовать с него более производительного труда, качества работы, социалистического, а теперь уже и коммунистического отношения к труду. Пока же школа коммунизма чаще всего ограничивается коллективным участием в труде.

Мы не раз возвращались в разговорах к методам воспитания у колхозника чувства коллективизма, чувства ответственности перед государством. Жить в достатке, пользоваться светом, радио, телепередачами, техникой и другими благами «телевизации» — не в одном этом миссия колхозника. Надо помнить и о товарище, который живет в городе, который производит все, кроме хлеба, молока, мяса...

Что получилось нынче в «Жовтневой перемоге»? Человек годами

работал здесь за «палочки». И тогда работать он не старался.

Теперь дело обернулось иначе. Трудодень весомый, очень даже. И... некоторые опять-таки не очень спешат на работу. Почему? Допустим, выработал человек двести — триста трудодней, и ему этого вполне хватает на хлеб; еще и на обнову остается. Хорошо зажили в «Перемоге». А вот с нуждами развивающегося производства, с обязанностями перед государством еще не всяк считается. Расчет при этом прост: недодаст колхоз деньгами — возьму натурой на усадьбе. Двух кабанов можно откормить. Одного на базар — он окупит все расходы, а другого сам ешь.

— Демократию эту надо поставить с головы на ноги, шоб закрыть лазейки для лодырей, спекулянтов, приписчиков,— твердо говорит Гандыш.— До сих пор для некоторых «колхозное» значит «не мое». А ведь нынче, когда хозяйство пошло круто в гору, особо дорого усилие каждого.

И мы вместе вспомнили слова Никиты Сергеевича, сказанные им на зональном совещании в Москве: «...дальнейший подъем сельскохозяйственного производства — дело всей партии, всего народа, это тот рубеж коммунизма, который мы должны брать всей мощью советского строя».

Всей мощью советского строя!..

IV

Когда вернулись в правление, Якова Андреевича ждал молодой человек с нежным, почти девичьим лицом, в высоких элегантных сапогах. Он дымил длинной папиросой, широко улыбался председателю.

— В другой раз пожаловал? — как бы не принимая улыбки, спросил молодого человека Яков Андреевич.— Тут зараз корреспондент, бачишь? Он тебя распишет...

Молодой человек представился: инспектор заготовок, из района. Приехал действительно второй раз на предмет подписания соглашения на закупку осенью картофеля нового урожая. Да, теперь такой порядок. В начале года между заготовителями (их в районном штабе пять душ!) и колхозом подписывается соглашение, в котором указывается объем закупок той или иной продукции, цена и общая сумма, причитающаяся колхозу. Казалось бы, все просто, ясно. Заготовитель загодя знает, у кого и сколько он купит для государства хлеба, мяса, картофеля, а колхоз прилагает все усилия, чтобы не подвести государство. И еще колхоз должен быть по-хозяйски спокоен: цифра закупа с февраля известна, лишнего с него не возьмут. Тут-то и начинается, мягко говоря, несоответствие с действительностью. Сама по себе реорганизация хороша, а практически закуп для крепких хозяйств обернулся разверсткой. Почему? В прошлом году колхозу «Жовтнева перемога» пришлось вывезти хлеба в пять раз больше (!), чем было оговорено в соглашении. Осенью с закупом под давлением начальства разного калибра происходит то же, что и с планированием в канун весны. Трижды и четырежды «спускается» план колхозам, якобы вольным в планировании своего производства. Да, после сентября 1953 года не раз говорилось: вольным в планировании!.. А в глубинках планы кроят закройщики из райкомов.

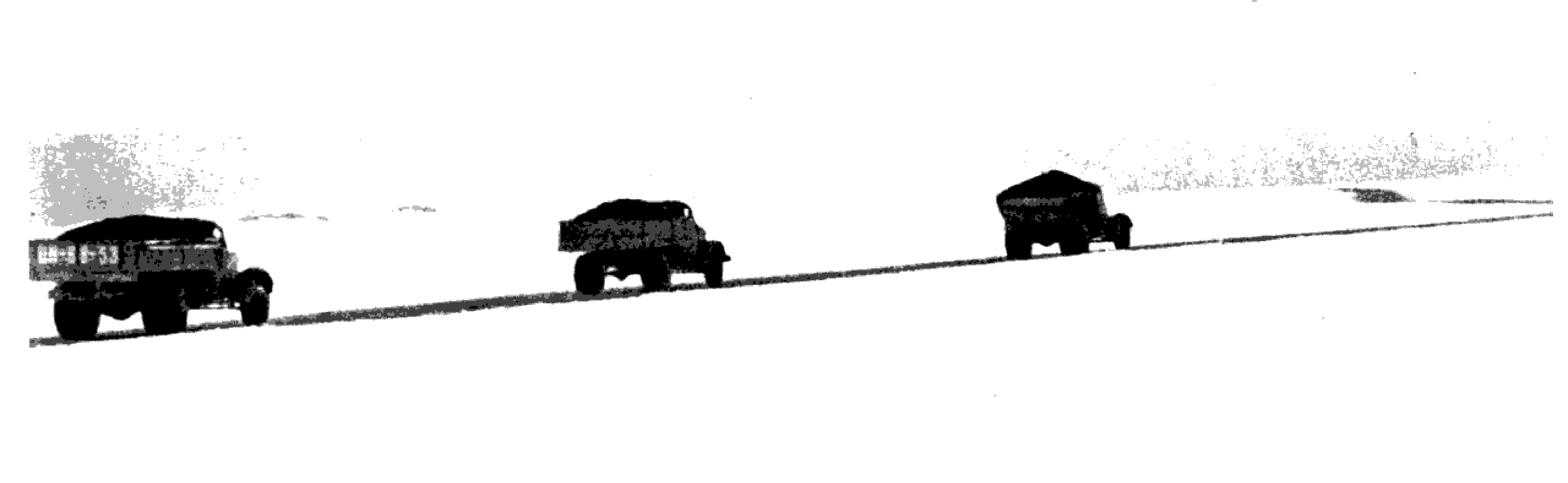

Фото А. Гостева.

— Так хозяйство вести не можно! — убежденно говорит Яков Андреевич.— Да, прошлый год был на редкость урожайным. Я согласен, шо, исходя из создавшихся условий, нужно было продать государству больше. Кто же против? Даже вдвое больше, чем запланировано. Но не в пять же раз!.. Сейчас у нас не хватает фуража, не даем коровам муки... Удои поднимаются медленно. А ведь мы еще оставили к началу года на откорме более тысячи восьмисот свиней. Ни один колхоз в районе этого не сделал. Но с нами в районе не посчитались, оставили почти без фуража!

— Так подпишете? — воспользовавшись минутой передышки, спросил вкрадчиво заготовитель.

— А шо там?

— Вы же в курсе — шесть с половиной тысяч центнеров.

— Бачишь? — резко повернулся ко мне Яков Андреевич.— Шесть с половиной тысяч! А соседи мои разлюбезные сколько подписали?

— На шо вам?

— Як на шо? Ты мне раскрой карты, я же должен соревноваться, я же должен знать, кого мне догонять? С кого пример брать?

Яков Андреевич прекрасно знал, что пример в районе берут с него. Да, теперь уже не с колхоза имени Кирова, а с «Жовтневой перемоги».

— И заготовители сюда зачастили,— поясняет, немного поостыв, председатель.— Возьмите план по мясу. Два года назад «Жовтнева перемога» продавала девятьсот центнеров мяса, а мой тогдашний колхоз имени Кирова больше тысячи. Теперь план «Жовтневой перемоге» — тысяча шестьсот пятьдесят центнеров, а колхозу имени Кирова... вдвое меньше. Вдвое! Як же ж так? Куда председатель — туда и план? Шо это за политика? Два года назад с кировцев брали богато яиц. Мы тогда спрашивали у заготовителей: почему в «Перемогу» не едете? Нам отвечали: там нэма... Теперь за яйцами сюда ездят. Шо это, я спрашиваю, за политика?

Воцарилось молчание. Что мог сказать этот улыбчивый молодой человек, если он знал, что Гандыш по-своему прав, что его колхоз должен втрое больше продать в этом году картофеля только потому, что он выдюжит, а с других взятки гладки. А ведь земли в районе однородны и площади у колхозов почти равны. Когда рассчитывается продуктивность земли, тогда за краеугольный камень колхозной экономики берут гектар. И это очень верно! А осенью про гектар забывают, и районное начальство высматривает: у кого больше в амбаре?

— Весной с гектара, осенью с амбара...

Но ведь так можно дойти до того, что руководители района просто отвыкнут от заботы о том, чтобы каждое хозяйство крепло, расцветало, горело маяком. Да, и верно, очень спокойная жизнь у соседей Гандыша. Особого рвения проявлять не надо — ведь чем меньше они производят, тем меньше с них спроса.

— Я за других работать не буду,— твердо сказал председатель.— И колхозники наши не будут. Тех рубежей, шо наметила партия, мы достигнем. И пойдем дальше! Дадим и хлеба, и мяса, но вывозить за тех, кто и не чешется, даже при всех созданных в последние годы партией условиях, не будем. «Гандыш вывернется!» Як так вывернется? Шо я, комбинатор чи руководитель социалистического хозяйства? Да, мне приходится пока и комбинировать и ловчить. Нужда заставляет! Создана такая организация, як «Сельхозтехника». Задумка неплохая, а шо у нас в районе та организация делает? Ни одного трактора мне не продали в нашей районной «Сельхозтехнике», ни одного комбайна! И сейчас только обещают. А як же механизироваться? Кукуруза не овес, ее без машины не вырастишь и не уберешь. Значит, я комбиниру́ю. Год, два, три... Торгую на стороне соломой из-под полы. Разве директор завода спекулирует? Разве он ходит с протянутой рукой? Разве не колхоз хозяин той продукции, шо получена сверх плана, благодаря упорству, усилию, мастерству колхозников? Все кажут: колхоз. А на деле? Вот он: подпиши, шо дают... Мы государству дадим богато, больше, чем в предыдущем году, и больше того, шо тот агент в своем соглашении понаписал. Больше! Но нам нужно еще и куплять автомашины и технику. Нам надо и строиться, надо менять лицо деревни. Не название, а саму деревню на новый лад перелицовывать!

— Значит, не подпишете?..

— Не...

— В пятницу на бюро райкома поговорим.

— Поговорим...

Заготовитель закурил, потянулся, сложил бумаги, улыбнулся и вышел.

Мы долго молчали.

Яков Андреевич смотрел в окно. За окном на тонких веточках пищали синицы. Потом прилетели два снегиря. И еще краше стало деревце за теплыми стеклами окна. Ртутный столбик наружного термометра до самых сумерек стойко держался выше нуля. Со стрехи падала частая капель.

— Ну, я так могу тебе день и ночь рассчитывать, выкладывать, откровенничать... Богато ще проблем. Сделано главное — техника в руках колхозников. Хоть это доверили! Повышены цены на продукцию. Спасибо. Помогли нам и культуры подобрать выгодные. Возвеличен гектар-батюшка... Без доверия со стороны государства нам нияк не можно.

За окном густела синева сумерек...

— Трудностей еще богато. Но то все трудности роста! Растем, вот и тесна нам прежняя одежка, вот оно и трещит, старое да ветхое, по швам. Латать, мабуть? Не трэба! Трэба новые одежки готовить, по новым меркам. Мы ведь тоже хотим коммунизм построить — и точно через двадцать лет! Двадцать весен... Двадцать урожаев!..

И снова Яков Андреевич замолчал, задумался.

За окном вишни спят. За окном синее, синее небо. На этой шелковой сини — красные, зоревые пятна снегирей. И казалось потом — огоньки эти перекинулись на небо, и вот уже запылал горизонт на западе. А все от них, живых, поющих угольков-снегирей.

— И завтра вёдро! То петухи Теребилы напророчили.

Да, и завтра вёдро. А Теребило тут ни при чем. Он-то как раз ни при чем! И петухи тоже. Просто идет весна — первая в Вишневом. Первая из заветных двадцати...

1812 — 1962

Всемирный Совет Мира призвал всех людей доброй воли отметить стопятидесятилетие со дня рождения великого русского писателя Александра Ивановича Герцена.

Герцен

За оградой Литературного института среди серых стволов деревьев стоит памятник Герцену.

Александр Иванович Герцен родился в этом доме.

Он был грудным ребенком во время нашествия Наполеона.

Горела Москва, обгорели бульвары. Дом большого барина И. А. Яковлева, отца Герцена, остался цел. После пожара ожили деревья — тут есть свидетели 1812 года, и сейчас их надо было бы отметить почетными знаками.

За оградой стоит бронзовый памятник — небольшой, как будто сам Герцен поднялся на пьедестал и смотрит на новую, предвиденную Москву.

Литературный институт наш как будто не имеет себе подобного в мире. Это не означает, что он превосходен, но он облегчает человеку путь к творчеству.

Я хочу напомнить всем читателям и молодым писателям о Герцене, которого мы знаем слишком мало.

Он был долго запрещен. Первое собрание его сочинений напечатали в России в 1905 году, когда прошли десятилетия, явилась другая литература.

Лев Толстой в дневнике 1860 года говорил про Герцена: «...разметавшийся ум — больное самолюбие. Но ширина, ловкость и доброта, изящество — русские».

Мы во многом обязаны Герцену.

Он не только основатель русской независимой печати, но и великий русский писатель и мыслитель.

Много говорили о том, откуда взял Лев Толстой само название эпопеи «Война и мир». Вещь с таким названием была у Прудона, которого Толстой посетил во время своего заграничного путешествия.

У Герцена есть цикл статей, связанных общим названием — «Война и мир»; в этих статьях проведено разграничение между причинами войн и поводом войн, говорится о войнах справедливых и несправедливых и намечается анализ роли личности в истории.

Встречи Герцена с Толстым были долгие.

После разговоров с Герценом Толстой получил фотографию великого революционера с автографом и сохранил ее.

Герцену писал из Брюсселя Толстой после свидания, укоряя его и с ним соглашаясь: «...Вы как будто обращаетесь только к умным и смелым людям... Эти люди, т. е. не умные и не смелые, скажут, что лучше молчать, когда пришел к таким результатам, т. е. к тому, что такой результат показывает, что путь был не верен. И вы немного даете право им сказать это — тем, что на место разбитых кумиров ставите самую жизнь, произвол, узор жизни, как вы говорите...».

Дальше он пишет: «Кроме того, эти люди — робкие — не могут понять, что лед трещит и рушится под ногами — это самое доказывает, что человек идет; и что одно средство не провалиться — это идти не останавливаясь» (письмо 14/16 марта 1861 года).

Герцен шел не останавливаясь, не ожидая, пока будет другими открыт и закреплен путь. Он шел впереди всех, соединяя неожиданное, непредвиденное, создавая новую форму, в которой сливались философия, беллетристика, полемика. Он создал величайшие по широте охвата мемуары. Герцен решался вернуться в прошлое и проверить свою дорогу шаг за шагом.

Герцен учит нас смелой мысли, ежедневному обновлению мастерства, учит видеть Россию в мире не изолированной и гордиться своей родиной — Россией — и ее будущим.

В 1904 году Лев Толстой читал друзьям отрывки из «Колокола».

А. Б. Гольденвейзер в первом томе «Вблизи Толстого» пишет: «Л. Н. чрезвычайно любит Герцена и ценит его очень высоко. Он говорил о несчастной личной жизни Герцена и о той драме, которую он должен был пережить, когда от него отшатнулись и перестали его понимать представители (особенно молодые) той партии, для которой он работал всю жизнь».

Но личные несчастья, и споры, и разрывы с друзьями, не столько с молодыми, сколько со старыми, у Герцена всегда были результатом его дороги по льду, который еще не установился, не окреп, но идти надо и идти быстро, так как этот путь справедлив.

Размашистый, остроумный, легко пишущий, жалящий Герцен, создатель обидных прозвищ, умевший прощаться с прошлым и видеть будущее, остается одним из самых великих писателей нашей великой литературы.

Толстой вспоминал Герцена и в 1905 году. В это время сам Толстой осуждал нерелигиозное искусство и в своем отрицании иногда доходил до того, что отказывался признавать ценность античного искусства, а также Шекспира, Бетховена и Пушкина. Но и в это время голос Герцена звал в другую сторону, и Толстой этот голос услышал.

Он писал В. Стасову: «Но для людей не религиозных, для людей, верящих в то, что этот наш мир, как мы его познаем, есть истинный, настоящий, действительно существующий так, как мы его видим, и что другого мира никакого нет и не может быть, для таких людей, каким был Гете, каким был наш дорогой Герцен и все люди того времени и того кружка, греческое искусство было проявление наибольшей, наилучшей красоты и потому они не могли не ценить его».

Герцен умел уводить за собой людей, умел сам уходить от прежних ошибок, он умел уходить от прошлого, не жалея и даже не прощаясь.

Он шел к революционному народу, порвав с либералами, со старыми читателями, с иллюзиями.

«Духовная драма Герцена,— говорил В. И. Ленин в статье, написанной к столетию со дня рождения Герцена,— была порождением и отражением той всемирноисторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии **уже** умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата **еще не** созрела».

Герцен был человеком, который верил в коммунистическую революцию, когда она была еще в колыбели.

Срок нашего прихода к коммунизму сейчас измеряется двумя десятилетиями.

Герцен смотрит из старого сада на предугаданную революцию. Герцен не только наше прошлое — он наше настоящее и часть будущего.

Виктор ШКЛОВСКИЙ

Н. Ге. ПОРТРЕТ А. И. ГЕРЦЕНА.

Ф. Малаев.

А. ГЕРЦЕН
и Н. ОГАРЕВ.

Большая мера поэзии

Николай АСЕЕВ

При воспоминании о могучем характере громадного этого ума, давшего понять царскому самовластию, что ничто в мире не удержит его у власти, что «Колокол» уже звонит отходную царскому трону, ближе всего мне в величественном наследии деятельной и разнообразной натуры Герцена высказывание его о поэзии.

Естественно прежде всего говорить о значении его общественной деятельности, о могучем влиянии его журнала, из-за рубежа призывавшего лучших людей тогдашней России прислушаться к свободному выражению мыслей и чувств, не стесненных угрозами тайных канцелярий, тюрем и ссылок.

«Колокол» ввозился в Россию, как взрывчатка, подложенная под эти тайные канцелярии, тюрьмы, ссылки. Люди обменивались «Колоколом» как лозунгом и паролем на священное дело борьбы против царского режима, против помещичьего строя, против бесправия огромной страны, подавленной сапогом «европейского жандарма», под тем или иным именем сменявшим восседавшего на престоле очередного деспота. Именно этим объясняется, что интерес к литературному наследству Герцена сосредоточен на тех политических отзвуках, которые он будил в сердцах. Огромная роль Герцена в формировании сознания людей своего времени обычно и оставляет в стороне его суждения об искусстве, о литературе, роль которых отступает перед величием его общественной значимости.

Мне как литератору особенно дорого и понятно его высказывание о поэзии, которое не всем кажется неоспоримым. Нужно только принять во внимание, что Герцен был одним из просвещеннейших умов своего века, что его образование и воспитание воли не допускали никогда высказываний легкомысленных, оценок приблизительных. Тем ценнее звучат и поныне слова Герцена о поэтическом искусстве, об отличии его от прозы, от последовательных, логических рассуждений, быть может, и вполне резонных, но не волнующих человеческое восприятие, не находящих в сердце откликов на еще неясные, но уже предчувствуемые душевные переживания.

Откроем собрание сочинений Герцена. Там в повести под названием «Поврежденный» есть определение поэтического искусства, не дидактическое, не сформулированное по теориям просодий, а созданное горячей любовью к поэзии, тончайшим пониманием ее значения и содержания.

«Досадно,— пишет Герцен,— что я не пишу стихов. Речи об этом крае (Генуя, Ницца.— **Н. А.**) необходим ритм, так, как он необходим морю, которое мерными стопами вовеки нескончаемых гекзаметров плещет в пышный карниз Италии. Стихами легко рассказывается именно то, чего не уловишь прозой... едва очерченная и замеченная форма, чуть слышный звук, не совсем пробужденное чувство, еще не мысль... в прозе просто совестно повторять этот лепет сердца и шепот фантазии».

Так сказал о поэзии умнейший человек своего века, образованнейший из самых образованных людей своего времени. Что же он имел в виду, выражая свою мысль о поэтическом искусстве? Хотел ли он приравнять это искусство к древнему понятию гекзаметра? Нет, он хотел сказать, что эта форма поэзии неразрывна с прибоем волн, набегающих одна за другою на пышный карниз итальянских берегов. Именно им (Генуе, Ницце) необходим ритм этот, похожий на плеск нескончаемого прибоя. Ведь ритм этот рожден также у моря, в другой стране, в другие времена, но им выражена целая поэтическая сущность той страны, тех времен. Но и эти ритмы, эти волны стихов доносят до нас то, чего нельзя сказать прозой. А разве можно пересказать прозой Одиссею? Получится однообразное повторение эпизодов древних войн, которые гораздо явственней описаны в истории. Но то, что сделала с древней героикой поэзия, не заменить логическим рассказом в прозе. Можно читать Тацита и Геродота, можно познавать древность в античных памятниках раскопок, но живую жизнь героического периода древней Греции не восстановят никакие исследования, кроме поэзии. «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына, грозный, который нанес несчетные беды ахейцам!» Не так-то уж хорош перевод чужих мерных стоп древнего памятника, но и он дает неизмеримо больше, чем прозаическое его изложение. А как же быть с точностью смысла, с логикой и повествовательной реальностью? А они, оказывается, поэзии не нужны.

«Чуть слышный звук, не совсем пробужденное чувство, еще не мысль». Так определяет существо поэзии Герцен. И мы с благоговением слушаем этого мудрого, смелого, беспощадного в своей прямоте человека. Так вот, оказывается, когда еще было установлено существо поэзии, из-за которого долго еще ломались копья критиков и литературоведов. «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!» Конечно, поэтом человек быть не обязан, а гражданином должен быть без всяких условий. Но нельзя стать поэтом только из чувства гражданского долга. И не будет выполнен гражданский долг до конца, если он делается с помощью подделки под поэзию.

Такая поддельная, разумом сотворенная, ложная поэзия может иметь некоторое время успех у людей, не очень заботящихся о своей культуре. Было бы изложено складно и оказывало бы полезное действие на умы! И слышится сейчас же другой великий голос, бросающий гневное обвинение таким ценителям пользы: «Ты пользы, пользы в нем не зришь... Печной горшок тебе дороже: ты пищу в нем себе варишь». Так обращался Пушкин к людям, не заинтересованным в действительной значимости поэзии, в ее историческом существовании. Так обращается к людям и Герцен, говоря, что стихами легко рассказывается то, чего не уловить прозой... «В прозе просто совестно повторять этот лепет сердца и шепот фантазии». Вот, значит, что: не рассказ, не поучение — лепет сердца и шепот фантазии составляют оружие поэзии. А вместе с тем этот лепет сердца и этот шепот фантазии расходятся по сердцам и воображению читателей и сообщают им то, что долго будет любезно народу, не только один год или десяток лет.

Герцен стоит на высочайшей вершине понимания поэзии. До нее еще долго не дотянуться людям, признающим поэзию только как полезное развлечение. Но это вовсе не значит, что народу недоступна эта вершина. Именно народом созданы произведения не одногодки, не рассчитанные на легкое признание, оставшиеся в глубинах народных сердец как показатели его творчества, начиная с давних времен, с летописей и со «Слова о полку Игореве», с разбойных песен и чумацких думок, с собранных Киршею Даниловым стихов в сборнике «Древние русские стихотворения», с пословиц и поговорок народа, вовсе не таких простых и понятных с первого слуха. Нет, Пушкин и Народ, Герцен и Народ — это стороны одной культуры слова, культуры сознания, которую не променять на скоропреходящие уставные репутации, возникающие в результате временных соображений.

ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ В. И. ЛЕНИНА

Это было 17 января 1920 года. Москва, Кремль... Идет очередное заседание Совета Народных Комиссаров. Председательствует В. И. Ленин. Повестка дня напряженная. Обсуждаются первостепенные вопросы: о перевозке материалов для Каширской электростанции, об увеличении посевной площади, об отмене смертной казни и многие другие. Ленин записывает фамилии выступавших, вносит дополнения в повестку дня... Пункт восьмой — об увековечении памяти А. И. Герцена. В тот январский день было решено поставить Герцену памятник в Москве перед старым зданием университета, дом Найденовой (№ 25 по Тверскому бульвару), где долго жил Герцен, передать писателям (ныне там Литературный институт). Совнарком предложил ускорить издание сочинений Герцена, широко распространить среди трудящихся его биографию, переименовать Никитскую в улицу Герцена, а переулки: Газетный, Шереметевский, Долгоруковский — назвать именами его друзей — Грановского, Белинского, Огарева.

К 50-летию со дня смерти Герцена была выпущена и однодневная, юбилейная газета «Колокол», ставшая теперь библиографической редкостью. Там можно прочитать изложение декрета Совнаркома об увековечении памяти Герцена и приветствия советского правительства дочерям писателя — Наталье Герцен и Ольге Моно. Приветствие было послано телеграммой в Париж 21 января 1920 года. Мы публикуем полный текст приветствия, который хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

«Сегодня, в день пятидесятилетия смерти Александра Ивановича Герцена, Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, гордое сознанием принадлежности Вашего славного отца к рядам самых выдающихся борцов за социалистическую республику свободного русского народа, шлет Вам и Вашей сестре, гражданке Моно, горячий привет как детям великого писателя. Сегодня вся Россия чтит память великого художника слова, твердая верой, что осуществляя предуказанное им уничтожение эксплоатации человека человеком, она явит всему миру мощность революционного развития русских трудящихся масс.

Правительство выражает твердое пожелание, чтобы прах А. И. Герцена и его жены, изгнанных из России волею российских императоров, был возвращен в Москву, согласно общего желания русских трудящихся масс. Вместе с тем Правительство радо сообщить Вам, что национализированный им дом, в котором оба они родились, предоставляется в Ваше полное распоряжение на случай Вашего желания посетить Родину великого обличителя царского деспотизма и капиталистического насилия».

К. БОГДАНОВА

В ИКСИО

Польский поэт и художник Норвид (1821—1883).

Марк ПОЛЯКОВ

В 1847 году Герцен выехал за границу, а в 1848 году оказался в Париже. Вскоре он сблизился с немецким революционным поэтом Георгом Гервегом. В доме Гервега он встречался со многими деятелями французского и международного революционного движения. Небольшого роста, плотный и сильный, Герцен как бы излучал, по признанию Л. Толстого, электричество. Обаяние его страстной мысли, удивительное художественное дарование пленяло и очаровывало современников.

Мы мало и плохо знаем, кто составлял тогда кружок Гервега — Герцена, с кем довелось здесь встречаться русскому революционеру. Еще много неожиданного таит биография гениального писателя и революционера. Такой неожиданностью для исследователей Герцена является письмо, полученное им в Лондоне в 1853 году от польского поэта, философа и художника Циприана Камилла Норвида. Письмо Норвида проливает новый свет на политические связи Герцена, на его отношение к польским эмигрантам в Париже.

Письмо начинается так:

«Сударь, обстоятельства, которые диктуют мне это послание, исключительны в такой же мере, в какой это письмо Вам покажется неожиданным. Мне следует начать с того, что моя фамилия Норвид и что я имел удовольствие быть представленным Вам у госпожи Гервег на rue de Cirque в 1848 и 1849 годах, что я имел честь состоять в числе ближайших друзей дома, который посещали тогда личности, известные в большей или меньшей степени своими освободительными стремлениями и трудами. Мои заслуги в действовании были ничтожны, но суждено было высшим порядком вещей то, что мне довелось получить на свою долю все трудности освободительного движения, ибо я был, если так можно выразиться, последним из приемных детей истинных солдат свободы...»

Это письмо до сих пор было неизвестно биографам Герцена. Нет его и в наиболее полном указателе писем к Герцену, напечатанном в «Литературном наследстве». Еще большей неожиданностью для биографов Герцена и Тургенева является сообщение о том, что в числе их парижских знакомых был Норвид, участник кружка Гервегов.

Не много в истории литературы более сложных и трагических судеб, чем судьба польского писателя и художника Циприана Камилла Норвида. Недаром он сам вспоминал об иксионовом круге, о тех тревогах и неудачах, борьбе и бедствиях, горестях и трудах, которые выпали на его долю. Норвид уподоблял себя мифическому царю лапифов Иксиону, который был прикован к вечно вращавшемуся огненному колесу — кругу. Это был круг трагической истории освободительного движения Польши XIX столетия.

«Рожденный в неволе»,— писал о себе Норвид. Детство его совпало с разгромом польского восстания 1830—1831 годов, с политическим и национальным гнетом в Королевстве Польском. В Берлине началась жизнь Норвида-эмигранта, его крестное хождение по Европе, встречи с различными кругами польской и международной эмиграции, мучительные поиски своего пути.

В своих философских, интеллектуальных стихах Норвид стремился осознать судьбу лирического героя как отражение больших исторических процессов. «Непоэтичность», подчеркнутая прозаизация поэзии, космичность образов, сочетание натурфилософских понятий с приметами быта отличают творчество этого удивительного художника, его лирику, драмы, его прозу. Стихи Норвида переводили в России в конце XIX века и до последнего времени у нас были мало известны. Только сейчас готовится первое собрание его стихотворений.

Жизнь Норвида была тяжелой. Но особенно мучительны были для него 1848—1853 годы.

Именно в ту пору Норвид познакомился с Герценом. В биографии Герцена этот эпизод русско-польских литературных отношений до сих пор не был известен. Да и в биографии Норвида его значение не оценено по достоинству.

Герцен и Норвид, как явствует из публикуемого письма, познакомились в начале 1849 года в Париже, в доме Гервегов.

Там Норвид сблизился с Тургеневым и Герценом. По воспоминаниям сына Гервега — Марселя, между Тургеневым и Норвидом установились дружеские отношения, которые отразились также в переписке Норвида и Эммы Гервег. 29 сентября 1852 года Норвид писал: «Я не могу забыть моего национального антагониста г. Тургенева и его споры, полные одушевления и остроумия».

Сближение с Тургеневым и Герценом не было случайным. Россия и русская литература, естественно, занимали немалое место в раздумьях польского поэта. К стихотворению «Ночь» (1840) он не случайно избрал эпиграф из сочинений декабриста Бестужева-Марлинского. В трагедиях «Ванда» и «Кракус» появляются прямые реминисценции из «Слова о полку Игореве» в виде поэтической характеристики легендарного певца Бояна. Характерна также и полемика Норвида с реакционными панславистскими концепциями московских славянофилов.

Во время сближения с Герценом Норвид тяжело переживал ход революционных событий 1847 и 1848 годов, остро осознавая свое одиночество.

Поразительно совпадение настроений, идей, оценок у Герцена и Норвида после сорок восьмого года. Поэтому нет ничего удивительного в том, что сам Норвид писал о значительном влиянии на него устной и литературной пропаганды Герцена.

В 1849—1850 годах Герцен выступает со статьями «Россия», «Русский народ и социализм», «Письмо русского к Маццини», «О развитии революционных идей в России», с новым изданием книги «С того берега». Все эти произведения не могли пройти мимо Норвида. Он, как и Герцен, болез-

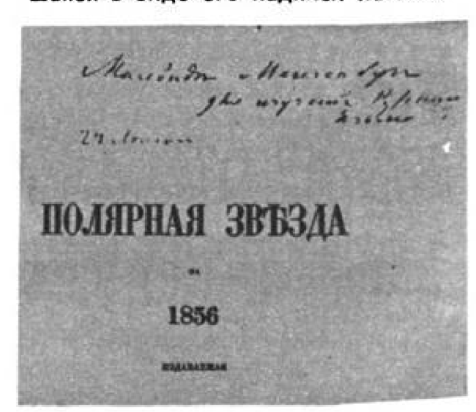
Эхо времени

Вл. ЛИДИН

Есть особая горькая прелесть в герценовских заграничных изданиях. Она горька потому, что воочию видишь, каких трудов стоило Герцену издавать эти книги в Лондоне или Женеве, в надежде, что все же проберется его слово через границы николаевской России, дойдет до сердца подневольного человека и заставит его сильнее биться...

Я не упускаю ни одного случая пополнить эту герценовскую плеяду книг и сожалею не о том, что она никогда у меня не будет полной, а о том, что тысячи и тысячи этих выпущенных с таким трудом книг были уничтожены в царской России или погибли под спудом.

После смерти жены Натальи Александровны А. И. Герцен смятенно думал о судьбе и воспитании своих маленьких детей. Он уехал из Ниццы, жил с ними в Лондоне, и здесь в 1853 году одна из почитательниц Герцена, немецкая писательница Мальвида Мейзенбуг, вошла в его дом и занялась воспитанием детей. Обо всем этом широко известно из «Былого и дум», но есть одна страничка отношений Герцена к Мальвиде Мейзенбуг, сохранившаяся в виде его надписи на вто-

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

1856

рой книжке «Полярной звезды» за 1856 год:

«Мальвиде Мейзенбуг для изучения русского языка. 24. Лондон».

В книжку вплетен словарик русских слов, написанный рукой Мей-

НОВОМ КРУГЕ

ненно переживал поражение революции 1848 года. Его скептицизм приобрел поистине трагические формы. Суровая оценка настоящего, разочарование в идеях буржуазного демократизма определили духовную драму Норвида. Это разочарование усиливалось личной драмой Норвида. Неудачная, безнадежная любовь к М. Калергис, вечное бродяжничество, необеспеченность ввергали поэта в бездну отчаяния. Если Герцен доходил до мысли бежать в Америку, то Норвид ринулся туда с жалкой суммою в кармане.

Оба разочарованы в идеях буржуазной демократии. В политических стихотворениях «Накануне» и «Еще-слово» Норвид равно осуждает и консервативные и демократические общества, протестует против утопического социализма и «цинического мистицизма». Одно время Норвид под впечатлением политических событий не верил даже в плодотворность вооруженной борьбы. В стихотворении «Epos-nasza» он прямо говорит о том, что новым Дон-Кихотам остались только «боль, жар, горечь и крутою дорогою марш».

Крах идей буржуазной революционности для Норвида, как и для Герцена, означал крушение попыток переустройства мира, бесполезность всех теоретических построений. Герцен ядовито насмехался над «планами», осуществление которых немыслимо. Великий русский писатель пришел в ту пору даже к крайней мысли о хаосе и стихийности исторического процесса. «В истории все импровизация!» — с болью восклицал Герцен.

Знаменательно, что в стихотворении «Время» Норвид приходит к аналогичному выводу: «Время закончено. Истории нет больше».

Норвид, подобно автору «С того берега», создает поэмы, легенды, новеллы и стихотворения, в которых рисует этот не поддающийся его пониманию ход истории. В 1863 году поэт скажет, что «история записывает свой счет железной рукой, вообще не спрашивая о чувствах...»

Как и Герцен, польский поэт впоследствии преодолеет многие свои пессимистические выводы, но навсегда останется у него отвращение к буржуазной цивилизации.

Норвид писал Герцену, что «не рассчитывает больше на помощь Европы, литература которой осквернена всеми видами тайной полиции». Герцен также писал, что в Европе «все превратилось в полицию. Полиция хранит, спасает Европу...» Подобно Герцену, польский поэт видит будущее в народе.

В знаменитой поэме «Прометедион» (1851) Норвид как бы подвел итоги всему скорбному опыту тех лет. Основной становится проблема прогресса человечества. Труд, по убеждению поэта,— главное средство развития общества, превращения невольника в сознательного творца собственной судьбы. В письме к Герцену Норвид писал: «Независимость рождает активность в труде — рождает гармонию, рождает наслаждение... в то время как зависимость рождает отвращение к труду, рождает нарушение гармонии — рождает страдание». Это письмо близко к основной теме поэмы Норвида, этого гимна в честь трудящегося человечества.

По убеждению поэта, великим становится только искусство, неразрывно связанное с народом, с его трудом.

На Норвида произвели большое впечатление размышления Герцена о Польше и России, о славянстве вообще. Герцен рассматривал исторические пути и будущее славянства в статье «Русский народ и социализм». «Вне России,— писал в ней Герцен,— нет будущности для славянского мира...» Еще в 1850 году в «Песнях земли нашей» Норвид видел в России господство деспотизма, «арапника», а на Западе — ложь буржуазных идей. А в другом стихотворении поэт говорил о единстве «Польши, России, Литвы, Украины — целославянством» возникающих. Впоследствии Норвид еще не раз возвращался к идеям славянского союза во главе с демократической, свободной Россией.

Знакомство с Герценом помогло Норвиду понять трудные вопросы освободительного движения, осознать различие между Россией передовой и Россией царской. Один из крупнейших исследователей Норвида, Ю. Гомулицкий, писал, что Норвид активно включился в восстание 1863 года, в своих «мемориалах» намечая новые пути для революционного движения. По словам ученого, программа Норвида сводилась к «освобождению крепостных и втягиванию их в ряды борющихся», к требованию союза с передовой русской интеллигенцией. Норвид требовал «проведения реалистической политики в отношении к России, чье географическое положение делает ее могучим соседом Польши современной и будущей». Норвид прямо писал, что будущее Польши связано с Россией. Позиция Норвида в 1863 году еще раз напомнила о его близости к Герцену и о том, что идеи Герцена играли огромную роль в международном революционном движении.

Рисунки Норвида.

зенбуг. Стоит привести список слов, присущих Герцену, особенности языка которого Мейзенбуг, видимо, стремилась изучить: «хлаповень», «булыжник», «посудинки», «востро», «пойду-ка и я тяпну чарочку: вернее будет — скорей согреешься», «шмыгнуть», «обглодок», «шкальчик», «становой», «серчать»...

На другой книжке «Полярной звезды» есть сделанная детской рукой надпись ее владелицы: Lise Herzen.

Как известно, судьба дочери Герцена и Тучковой — Лизы — была трагическая: семнадцати лет от роду Лиза покончила самоубийством. Но то, что одна из книг «Полярной звезды» принадлежала лично ей и Лиза, судя по надписи, дорожила ею, напоминает об этой одаренной, не по годам созревшей, со своим сложным внутренним миром девочке.

Авторские надписи зачастую ничего не содержат, кроме вежливого внимания; они хранят и глубокие приметы отношений. Егор Иванович был старшим братом Герцена. Об отношениях между братьями рассказано в «Былом и думах». Отражает эти отношения и надпись Герцена на оттиске из № 12 «Отечественных записок» за 1845 год: «Егору Ивановичу — Герцен».

Герцена всегда окружало множество людей. Одни боготворили его, другие ненавидели, возводили поклепы, лгали и клеветали на него по тем или иным причинам, главным образом по уязвленному самолюбию. Такова, например, книга В. Кельсиева «Пережитое и передуманное» (1868), в которой автор, почти всем обязанный Герцену, не затруднился недобро и уничижительно написать о нем. Таковы же и «Записки Ивана Головина» (Лейпциг. 1859), о котором Герцен в частном письме писал в 1854 году: «Что делает мерзавец Головин с тех пор, как убедился, что взятки гладки, это невероятно. Он ищет скандала. Презираемый всеми, без гроша, он бросается, как бешеная собака. Чести дуэли я ему не доставлю, а палку со свинцом на улице и заряженный пистолет дома держу,— как приятно...»

Эти книжки, связанные с Герценом, я тоже стараюсь подбирать; одна из них, побывавшая у меня в руках, но, к сожалению, не удержанная мной, до сих пор тревожит меня воспоминанием о ней.

На желтой обложке брошюры, напечатанной особым высоким шрифтом, значилось ее название — «Плач гения»; под названием изображен был упавший, разбившийся колокол. Анонимная эта брошюрка была напечатана в 1862 году, несомненно, при участии 3-го Отделения и содержала мифическую покаянную речь Герцена, обращенную к русскому народу:

«Умираю, добрые соотечественники, достойный народ русский, и к вам с мольбой о прощении обращаю предсмертные слова мои. Простите меня, что перед смертью дерзнул назвать вас соотечественниками,— я не достоин именовать себя соотечественником вашим — я беглец с родины, я покинул ее, безумно увлеченный своим самолюбием и тщеславием...» и так далее в том же гнусном, тупоумном роде.

Не знаю, сколько экземпляров этой редчайшей брошюрки сохранилось. Собиратель книг с удивительным постоянством и неслабеющей памятью хранит в своем сознании все ошибки и промахи, и не по библиофильской жадности, а потому, что любая ошибка — укор его знаниям и опыту, а собирательство книг — своего рода мастерство, и дефекты — всегда укор мастеру.

Я часто думаю о том, как хорошо было бы открыть в Москве музей русской вольной печати — памятник немеркнущему слову Герцена, историческую звонницу для его «Колокола», вечное эхо его «Голосов из России». Я особенно думаю об этом теперь, побывав недавно на могиле Герцена в Ницце, могиле изгнанника, посмертно обретшего свою великую родину во всем великолепии того расцвета, о котором он столь мечтал.

ПЯТНАДЦАТЬ С

Фото А. УЗЛЯНА и Е. УМНОВА.

Я видел его много раз в раздвинутой груди, беспокойное, торопливо стучащее, будто испуганное ярким светом и новой, непривычной обстановкой. Так и хочется сказать ему: «Успокойся, милое, не волнуйся, тут пятнадцать добрых и сердечных людей, хорошо знающих свое дело, тут много точных машин и приборов... Все будет хорошо...»

Не вина того, кто лежит сейчас под наркозом, что на заре его жизни, когда из пульсирующей трубочки сердце должно было превратиться в самый совершенный насос в природе, что-то не сработало в сложном биологическом механизме формирования, и сердце осталось без межпредсердной перегородки. Трудно было жить этому молодому рабочему из Кировской области Леониду Артемьеву с таким пороком.

В протянутую руку хирурга сестра вкладывает скальпель. Операция началась...

Мы еще вернемся в этот зал, где пятнадцать сердец пошли на спасение одного. Пятнадцать! А сколько их за стенами операционной!

Когда почти полтора десятка лет назад хирург академик Александр Николаевич Бакулев впервые удачно в нашей стране сделал операцию при врожденном пороке сердца, а через четыре года после этого — при приобретенном, в мире едва ли было десять хирургов, которые отваживались на подобные вмешательства. Теперь тысячи людей живут и работают с капитально отремонтированными сердцами. Они утверждают, что жизнь им спасли хирурги. Это правильно, но только наполовину.

Хирургия сердца — такая отрасль медицинского знания, где у постели больного и операционного стола соединяют усилия хирурги, терапевты, рентгенологи, анестезиологи, физиологи, инженеры, биохимики... Этот плодотворный союз наиболее ярко виден именно тут, в Институте сердечно-сосудистой хирургии Академии медицинских наук в Москве, пожалуй, единственном в мире учреждении, где с таким огромным размахом ведется научно-исследовательская и клиническая работа.

...Я листаю историю болезни и время от времени поглядываю туда, вниз, где спокойно спит больной Леонид Артемьев, а вокруг него напряженно трудится очередная операционная бригада. Прежде чем решить «да» или «нет» — оперировать или оставить, больной побывал в руках многих специалистов. Одни исследовали электрическую активность мышцы сердца, другие, сделав кровь видимой под рентгеновыми лучами, тщательно искали дефект перегородки, определяли его размер, третьи делали мудреные химические анализы, четвертые решали, какое искусственное сердце лучше всего может заменить на время операции настоящее.

Операция идет к концу. Отключена машина. Сорок минут она заменяла сердце, которое оперировали хирурги. Накладываются последние швы на грудную стенку.

Тихо перекладывают больного на кровать. Медленно и мягко крутятся резиновые колесики. Вот они сделали поворот, другой и остановились. Бегут капельки специальных растворов в вену больного. Чуть булькает вода, увлажняющая кислород, который подается в легкие. Засасывают воздух водоструйные отсосы, удаляя излишнюю жидкость из грудной полости. Неотрывно пишет электрическую кривую работы сердца лучик осциллоскопа. За всеми этими показателями несколько суток будут следить внимательные и чуткие глаза врачей и сестер.

Пройдет несколько лет, и операции, которые делаются теперь лишь в немногих учреждениях, станут проводиться в целом ряде специализированных больниц. Сотни врачей обучались в Институте сердечно-сосудистой хирургии искусству восстанавливать сердце человека.

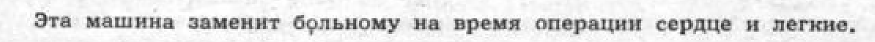
Да! Многое из невероятного еще вчера сегодня становится обычным... Скоро не будет поражать воображение остановка сердца на много часов при длительном, глубоком охлаждении организма. Станет вполне обыденным делом замена всех клапанов сердца или сосудов, питающих его мышцу. Не исключена возможность и создания маленькой сердечной машины, которая долгие годы полностью будет заменять работу сердца. Ведь есть же в Институте сердечно-сосудистой хирургии совсем небольшие «водители» сердечного ритма. Их можно зашить под кожу, и они без перебоев будут подавать заданные импульсы несколько лет. Но это только начало!

Тысячам людей тут, в институте, вернули сердце. Откроем двери операционной и посмотрим, как это делается...

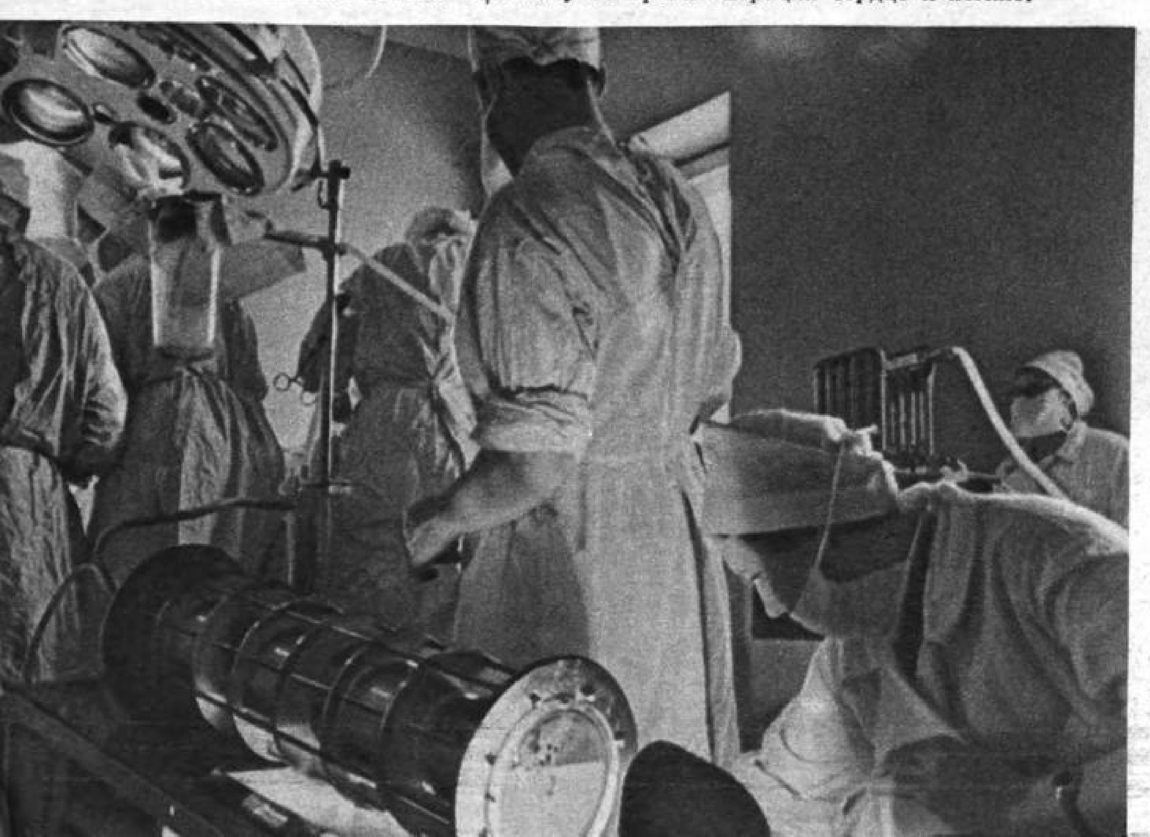
Врач Мих. ЦЕНЦИПЕР

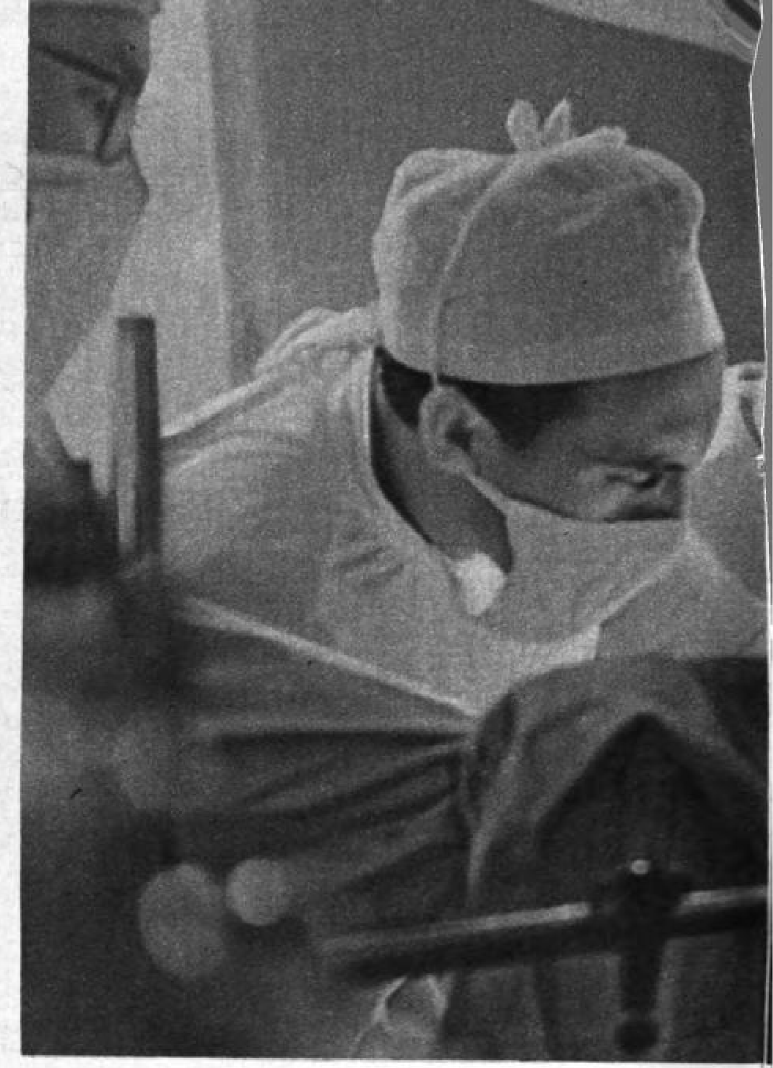
ЕРДЕЦ И ОДНО

Профессор Сергей Алексеевич Колесников. Все его мысли уже заняты предстоящей операцией...

Эта машина заменит больному на время операции сердце и легкие.

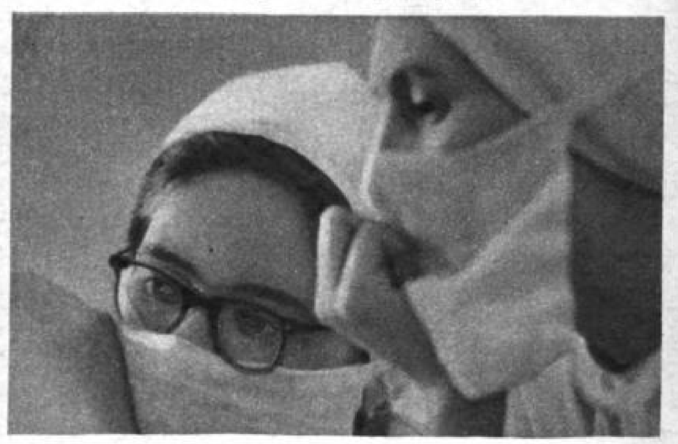

Спокойствие, уверенность, точность. Операцию ведут

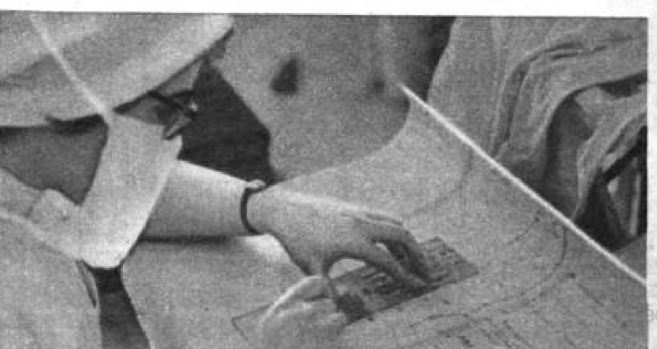

Кровь пошла в механическое сердце.

↓ Тревога?! Нет, внимание. Их дело — следить за стрелками приборов.

↓ Записывается графический протокол операции: давление крови, пульс, дыхание.

С. А. Колесников и Г. И. Цукерман.

— Ритм сердца восстановился.— отвечает хирургу врач Г. И. Астраханцева.

↓Никто не узнает, волновался ли он сам.

Александрина

Петрусь БРОВКА

Не позабыть мне песню далекой той весны:
— На Муромской дороге стояли три сосны...

Бродили мы и пели, и с песней ты цвела.
Александрина, помнишь, какая ты была!

Любил тебя тогда я, зачем теперь таить?
И ни с одним цветком я не мог тебя сравнить.

Взять василек, но краска всего-то в нем одна,
Взять лилию, но эта уж очень холодна.

Взять колокольчик, может... Да всех ты краше их!..
Такой ты мне казалась в семнадцать лет моих.

Летело время, мчалось, мне навевая сны,
Как где-то на дороге стояли три сосны.

Прошли весна и лето. Зима над головой...
Александрина, где ты, подай мне голос свой!

Перевел с белорусского
М. ИСАКОВСКИЙ.

В чистом поле

Хута БЕРУЛАВА

Могильный холмик в поле, в чистом поле,
Не пыль, а прах под каменной плитой...
С трудом, волнуясь, по складам, как в школе,
Читаю повесть жизни прожитой.

...Я тот, кто вам не изменил до гроба.
В те времена,
Когда в сердцах еще
Таились зависть, раболепство, злоба,
Поверил в человека горячо.

Я слезы проливал за боль собрата,
Слугой ни разу в жизни не бывал,
Любил друзей возвышенно и свято
И бил врагов наотмашь, наповал.

Меня Отчизна и народ растили.
В дни ликованья,
В грозный час беды
Они не обольщали и не льстили,
И не пропали даром их труды.

Среди забот великих и несметных
Меня учила Родина, как мать,
Чтобы не смел я властолюбцев смертных
Витиеватой лестью ублажать.

И даже в годы молодости ранней
Мне опостылел и всегда претил
Лишенный молний
Гром рукоплесканий,
Невежественных душ холодный пыл.

И я чуждался суеты и лести
И, выбрав путь,
Который был тяжел,
Дружил лишь с тем,
Кто жил с народом вместе,
Кто за него на смерть без страха шел.

Мой век меня навьючивал, не нежил,
И в пору зеленеющей весны
Нежданным снегом волосы заснежил,
Но я и не заметил седины.

Не жалуюсь... Меня не обижали...
И я ни перед кем не виноват...
И только тем горжусь,
Что на скрижали
Оставил имя краткое:
Солдат...

Могильный холмик в поле, в чистом поле,
Не пыль, а прах под каменной плитой...
Лишь только переписчик я, не боле,—
Здесь всё, как есть, до каждой запятой.

Перевел с грузинского
А. МЕЖИРОВ.

Посвящения

Николай ГРАЧЕВ

Сергею Бондарчуку

Судьбу простого человека
По телевиденью смотрю:
Из комнатенки,
как калека,
Не выходя,
курю, курю...

Я заперт с пленными в церквушке...
Гремит за окнами гроза...
Нас по Европе мчат в теплушке...
И видят вновь мои глаза
И свастику на дугах арок,
И из трубы летящий тлен.
Я слышу выстрел, лай овчарок
И чей-то крик:
— Мадлен!.. Мадлен!..

Ржавеют даты, словно латы,
А сердце жжет:
давным-давно
Совсем молоденьким солдатом
Я видел это
не в кино...

Сергею Чекмареву

Застенчивый. Совсем не из железа.
Любил Москву. Без Тони жить не мог.
Лечил «пеструх». Читал в кружках ликбеза.
Писал стихи. В степи башкирской мок.

Сказал однажды, цену слову зная:
— Я буду там, куда пошлет страна!..
Ему под Таналыком посевная
Как сессия была. Нет, как война!..

...Он перед смертью смог еще потрогать
Опавший лист в глуши березняка...

Почтенный мэтр грызет в волненьи ноготь
Над тонкою тетрадкой дневника.

Иваново.

КАРТИНЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ДОМОЙ

Как бы бережно ни хранили любители живописи драгоценные полотна русских художников, как бы ревниво ни разыскивали распыленные по всему миру сокровища родного искусства, они твердо знают: место этих картин в Москве, в Лаврушинском переулке, в Третьяковской галерее — доме русского искусства. И рано или поздно картины приходят сюда. Их дарят, как подарил маршал Советского Союза А. М. Василевский картину В. Маковского «На Волге», как преподнес в дар галерее доктор И. М. Саркизов-Серазини целую коллекцию из восьмидесяти вещей, как прислал в подарок из далекой Франции родственник И. Левитана З. Берчанский картину В. Серова «Разгон казаками демонстрантов в 1905 г.».

Почти каждый день сотрудники Третьяковской галереи распечатывают письма с предложением продать картину.

Сегодня в «доме русского искусства» большой праздник — открыта выставка приобретенных за последние шесть лет (после празднования столетнего юбилея Третьяковской галереи) картин, рисунков и скульптур.

Многие произведения мы видим впервые, и все-таки мы их узнаем.

Вот это, конечно, Перов: его доброта, его сочувствие горю и нужде.

Улица Парижа. Бедно одетая женщина с истомленным лицом крутит ручку шарманки. Ребенок так привык к пиликающей наивной музыке, что спит, прижавшись к теплому плечу матери... Эта скорбная сцена передана В. Перовым очень сдержанно и очень просто.

«Где просто, там ангелов со сто»,— любил повторять другой русский художник, Валентин Александрович Серов. Неоконченный портрет Сурикова кисти Серова прост и сдержан. Василий Суриков! Настоящий богатырь, наследник смелости и силы прадедов, пришедших в Сибирь под знаменами Ермака, жизнелюб и в то же время настоящий интеллигент в лучшем смысле этого слова, человек большой эрудиции, широкого исторического кругозора, умный и тонкий художник. Посмотрите внимательно на портрет: падающие на брови пряди черных волос, взгляд чуть исподлобья, крепкая и сильная фигура. Простота... Этой простоте, к которой так всегда стремилось русское искусство, есть другое название — мудрость.

Может быть, каждому народу кажется, что родина поэзии — его земля. Кажется так и нам, русским. Для того, чтобы открыть эту поэзию, не надо искать особенных сюжетов. Вот, например, «Сенокос» Б. Кустодиева. Привычная картина: зеленые холмы, прозрачная речушка, люди в ярких одеждах, убирающие сильно пахнущее солнцем и цветами сено... Тысячу раз мы видели это ситцевое небо, подернутое редкими облачками, эту березовую рощу на холме, красный глинистый обрыв и высокую елочку — пейзаж, который врезался в память с детства и продолжает волновать и радовать до старости.

Таковы три картины из тех, что вернулись в Москву. Но их на выставке в Третьяковской галерее много. Работы Кипренского и Тропининна, Брюллова и Саврасова, Репина и Крамского, Сурикова и Врубеля.

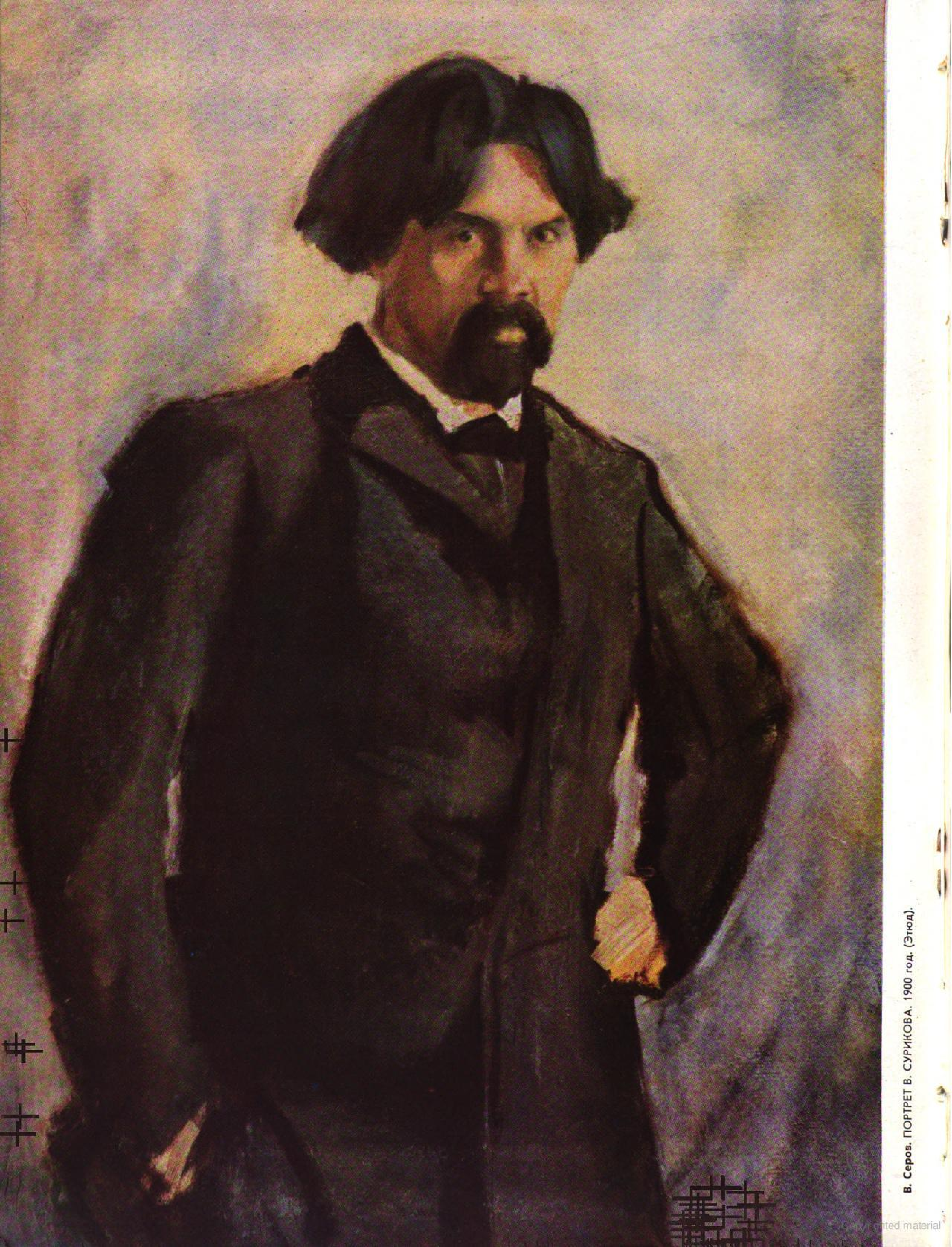
Долго странствуют картины по частным собраниям, по маленьким и большим русским городам, даже по чужим странам. Теперь они здесь в созданном для них, только для них музее.

Картины возвращаются домой.

А. ЖУКОВА

→
В. Перов. ШАРМАНЩИЦА. 1864 год.

В. Серов. ПОРТРЕТ В. СУРИКОВА. 1900 год. (Этюд).

Б. Кустодиев. СЕНОКОС. 1917 год.

Н. Касаткин. ПЕРЕКУПКА. 1889 год.

П. Десятов. ДЕВУШКА, РАСЧЕСЫВАЮЩАЯ ВОЛОСЫ.

В дар от Е. Десятовой.

Запретная зона

Анатолий **КАЛИНИН**

Роман

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Поздний прохожий, взглянув на освещенные окна Грековых, вероятно, просто подумал бы, что сегодня они засиделись что-то очень долго, и прошел бы дальше. Более любопытный, пожалуй, замедлил бы шаги и даже постоял под окнами, чтобы узнать больше, но так бы ничего и не узнал, разве что увидел на занавесях противоположных крайних окон две тени — мужскую и женскую. Между этими двумя окнами, как раз посредине дома, света не было.

Но никому и в голову не могло бы прийти то, что теперь неоднократно приходило в голову Грекову. Так как дом был построен подковой, из своего окна он хорошо видел тень Валентины Ивановны. Точно так же и она должна была видеть его тень. Часами он мог наблюдать, как ее тень почти неподвижно отпечатывалась на тюле. Лишь иногда чуть колебнется и снова застынет. Но, возможно, что это и дуновением ветра колебало тончайшую ткань.

Он хорошо представлял себе, как она стоит и смотрит сквозь эту ткань своими, будто чем-то задымленными глазами. И наверняка она ничего не видит сквозь эту прозрачную ткань, это он знает совершенно твердо.

Ей, как и ему, видны и еще другие, неосвещенные окна. Два окна, они как раз находятся между ними. Это окна той самой комнаты, где сейчас спит Алеша. Как всегда, он спит в трусах, зарыв темную с крупными кольцами волос голову под подушку, руки и ноги разбросал во все стороны, а простыня у него на полу. Здесь, поблизости от воды, и летом ночи холодные, а ему, как всегда, жарко. Где-то в комнате, может быть, прямо у спинки дивана или же у двери стоят его удочки, а на столе или на стуле — консервная банка с червями. Вечером он как пришел с реки, так и побросал это, где придется. И только сумочку с красноперками и речными бычками, весь свой улов, отдал сестре Тане на ужин кошкам.

По всей комнате, как водится, разбросана его одежда. Парусиновые брюки лежат где-нибудь комком, одна сандалия под диваном, а другая у порога. Утром, когда мальчик еще спит, хозяйка этого дома и жена его отца, как всегда, позаботится о том, чтобы все прибрать и положить на место, разгладить ему брюки и повесить на спинку стула чистую рубашку. И потом она ни единым словом не намекнет ему, не упрекнет за неаккуратность. И так теперь бывает каждый день. Лучше бы она как следует отругала его, даже прикрикнула, потребовала придерживаться правил, заведенных во всех семьях. Тогда бы он, может, почувствовал, что он здесь не какой-нибудь пассажир и не гость, которому все можно, не отщепенец, а свой в этом доме. Пусть он сперва обидится на нее, это пройдет. Зато есть в доме другой человек, который навсегда останется ей за все это благодарен.

Два окна комнаты, где спал сын Алеша, темной полосой зияли между освещенными окнами дома. И не впервые Грекову пришло в голову, что это и есть та самая полоса, которая с недавних пор разделила его и его жену друг от друга. Всего лишь одна комната, десять шагов, а значит, по пяти шагов от одной двери и от другой навстречу друг другу. Но оказалось, что не так-то и легко преодолеть это расстояние. Совсем не просто.

Не один и не два раза ему, как и теперь, хотелось пройти через эту темную комнату, где спал мальчик, войти к ней, взять в ладони и повернуть к себе любимое, печальное лицо, поглубже заглянуть в ее глаза, которые он знал и полюбил совсем другими, без этой стеклянной пленки, и сказать: «Что же наконец случилось, и, может быть, ты мне объяснишь, родная, что такое происходит между нами? И почему все это должно продолжаться? Сам я, признаться, никак не могу понять, в чем дело. И, может быть, ты скажешь, почему мы должны идти на поводу у этой женщины, которая ослеплена своим мстительным чувством, хотя и не видела тебя в лицо, не знает, что ты за человек, а только ждет того часа, когда она сможет почувствовать себя отомщенной. Ей и невдомек, что нельзя матери избирать орудием своей мести сына. Но по-своему ее можно понять: еще не было, пожалуй, примера, чтобы та женщина, у которой отняли ее счастье, воспылала благодарностью к той, что сумела отнять у нее счастье. Только человеку с очень большим сердцем дано склонить голову перед силой чужой любви, даже если она и послужила причиной твоего несчастья. Но требовать такого самопожертвования от этой женщины означало бы ожидать от нее очень многого. Она просто на него не способна. Ей всего-навсего нужен был самец, и вот уже одиннадцать лет она никак не может смириться с тем, что у нее увели самца. Этим и питается ее мстительное чувство.

А теперь получается, что она своего добилась. Женщина, не желающая добра своему сыну, написала эти вздорные слова, над которыми тебе надо было посмеяться своим милым, грудным смехом, но оказалось, что их совершенно достаточно, чтобы ты тут же опустила на глаза эту пленку. Прежде я никогда не видел у тебя этой пленки. И чего ты испугалась, ответственности? Но ведь и за судьбу чужих детей мы чувствуем себя ответственными, а этот мальчик, как мне кажется, тебе все-таки не вполне чужой, потому что это мой сын. Зная тебя, я не верю, чтобы ты смогла остаться равнодушной к тому, как сложится жизнь моего сына. Не ты ли сказала мне, когда мы говорили о Молчанове, что только тот, у кого не было своих детей, не в состоянии представить, что все эти молчановы тоже когда-то были детьми, что они же не от рождения преступники, а когда-то в самый критический момент их жизни были просмотрены. А знаешь ли ты, что последнее время мне навязчиво снится один и тот же сон, будто на станции Шлюзовой из вагонов выгрузился новый этап и все это молодые люди, и когда под конвоем они направились по дороге к зоне, один из них оглянулся и я узнал в нем Алешу... Нет, такого Алешу, каким он может стать через шесть или через семь лет. Он засмеялся, но вдруг оказалось, что это вовсе не Алеша, а Молчанов. А потом, уже удаляясь по дороге, он еще раз оглянулся, и теперь уже это был не Алеша и не Молчанов, а тот краснолицый парень, которого называют Королем и Профессором. Он нехорошо подмигнул мне, показал кулак и, ссутулившись, пошел дальше. Но спина и походка у него были совершенно Алешины.

Я, конечно, не верю ни в какие сны, это просто смешно, но я страшно боюсь п р о с м о т р е т ь Алешу, как когда-то просмотрели Виталия Молчанова его родные и все другие, близкие ему люди. Теперь у мальчика наступил такой возраст, когда ребятам, говорят, особенно бывает нужен отец. Если в этом возрасте он не почувствует, что у него есть отец, то потом уже будет поздно. И никакая мать никогда не сумеет дать ему для будущей жизни то, что он может получить от отца. А ты уже знаешь, какая у него мать.

Так почему же ты так быстро сдалась, прочитав эту глупую открытку, в то время как мне так нужна твоя помощь? Ты, конечно, ни в чем не обязана мне — я просто не смогу обойтись без твоей помощи. На чью же тогда мне еще и надеяться, если у меня нет другого, более близкого друга? Одному мне с этим никак не справиться. Если бы я даже и попытался сделать это, все равно из этого ничего бы не получилось. Это как раз тот случай, когда человек в одиночку бессилен. И потом, не забывай, что все это также связано с Таней. Ей и Алеше нельзя оставаться чужими. Между ними не должно остаться никакого непроницаемого занавеса, сотканного из ошибок, неприязни и вражды взрослых. И ей и ему еще не раз может понадобиться в жизни рука брата или сестры, рука друга. Будет чудовищно, если они останутся чужими.

Автономов говорит, что у тебя есть дар любви к людям — где же он? Еще никогда я так не нуждался в этом твоем даре, я только не умею сказать об этом словами. К тому же ты опустила на свои глаза, на такие мне близкие и такие чужие глаза, пленку, и все самые нужные слова, которые я вынашиваю в себе, натыкаясь на нее, тут же разбиваются насмерть. Вот если бы у тебя тоже был ребенок не от меня, я бы, наверное, дал почувствовать все это тебе без всяких слов. И знаешь ли ты, как я иногда начинаю жалеть, что у тебя, когда мы встретились, не было ребенка от того, кому ты отдала свое первое чувство».

Продолжение. См. «Огонек» №№ 9—13.

Спит мальчик. Снятся ему ребячьи летние сны: берег, усеянный галькой, желтая камышинка поплавка, вздрагивающего на поверхности воды, и выхваченная из нее красноперка, описывающая серебряную дугу в воздухе. Если бы кто взглянул в эту минуту на его спящее лицо, то увидел бы, как разливается по нему и раскрывает в улыбке обветренные лепестки губ выражение самого высочайшего блаженства, какое только существует в мире. Так улыбаться во сне могут только дети. Но потом ненадолго что-то другое надвинется на лучезарные картины ребячьего сна и погасит улыбку, надвинется сумрачное, удивительно посуровевшее за последние дни лицо отца, а рядом с ним невеселое лицо Валентины Ивановны. А из-за них выглядывает улыбающееся лицо мамы. Губами и глазами она делает ему какие-то знаки и начинает хмуриться оттого, что он никак не может ее понять. Но как же он может ее понять, если он спит?..

Из-за гардины прокрадывается в комнату мягкая золотинка света — отблеск электросварки, трепещущей на самом гребне плотины, на сорок первой отметке. Там и ночью не прекращается работа. Может быть, это тот самый дядя сидит теперь там на стреле крана, который, подняв с лица эбонитовую маску, каждый раз посылает ребятам приветственный жест рукой, когда они приходят на котлован ловить рыбу, и они отвечают ему тем, что подбрасывают вверх шапки. Даже издали видны его сверкающие белые зубы... Золотинка опять заглядывает в комнату, где спит мальчик... На лице у дяди эбонитовая маска, а в руке у него вилка, от которой и распространяется это стремительное сияние, которое пробегает по лицу мальчика. Но почему же всегда, когда на кране работает этот дядя, всегда внизу стоит вахтер от самого начала до конца смены? Он и приводит и уводит этого дядю. И главное, это тот самый солдат, который однажды пришел на берег искупаться и в два счета смастерил Алеше хорошую донную удочку.

Золотинка, разгораясь, окутывает парчой призрачного света худенькое загорелое тельце. Оно резко чернеет на яркой белизне простыни. Всего за полтора месяца он загорел под этим степным солнцем, как арабчонок. Руки и ноги, раскинутые в стороны, светятся, как бронзовые. Он уже не улыбается, от кудрявой головы отлетели лучезарные сны. Какие-то другие сновидения сдвигают ему к переносице подпаленные солнцем брови, морщат лоб и губы. Есть ли что-либо жалостнее детского лица, когда ребенок вот-вот заплачет?..

Ах, если бы ты, мама, узнала Валентину Ивановну, ты ни за что бы не думала о ней так плохо. Если бы ты, мамочка, только слышала, как она умеет смеяться. По-моему, плохие люди так не умеют смеяться.

Будто чего-то испугавшись, золотинка вспыхнула в последний раз и упорхнула прочь. Вспыхнул и погас огонь электросварки на плотине. В комнате опять стало темно. Только простыня да подушка и белеют на коричневой коже дивана.

Неосвещенное окно комнаты, где спит мальчик, разделяет два освещенных окна, за которыми бодрствуют в этот глухой час два человека. Самые близкие на земле люди, а никак не могут преодолеть такое маленькое расстояние — десять шагов. Пять шагов пройти одному и пять шагов другому навстречу друг другу — всего одну комнату, в которой разметался на диване мальчик.

Между тем им так много нужно сказать друг другу. И сказать, не откладывая, немедленно, потому что они давно уже привыкли, чтобы все до конца было между ними ясно. Многое ему нужно сказать ей. Не меньше нужно сказать ей и ему. Ей нужно сказать...

...А я разве не мучаюсь и не чувствую, что так продолжаться не может? Но попытался ли ты хоть раз представить себя на моем месте? Ты, конечно, уверен, что все происходит из-за этой ужасной открытки, и я даже не в состоянии разуверить тебя, сказать, что все не так просто. Но согласись, что бывают в жизни и такие вещи, которыми женщина, не желающая унизить себя, не может поделиться и с самым близким человеком. Пусть лучше ты будешь думать, что я всего-навсего испугалась дополнительной ответственности, которую возлагает на мои плечи появление в нашей семье Алеши, чем думать, что я хочу удержать тебя любой ценой. Иначе мне пришлось бы рассказать тебе и о том, что очень похоже на сплетню и что я сама долгое время продолжала считать сплетней. Тем более, что исходила она от такого человека, которому вообще-то нельзя верить,— от жены Гамзина.

И все же на этот раз она сказала мне правду и, конечно, не из любви к правде, а чтобы досадить своей ближайшей подруге Лилии Андреевне за то, что та устраивает Гамзину свидания с какой-то девицей в своем доме. И вот таким образом я, сама не желая, узнала о том совместном плане Лилии Андреевны и матери Алеши, который связан с его появлением в нашем доме.

Нет, Лилия Андреевна и эта твоя бывшая жена до этого никогда не видели друг друга. Но теперь они познакомились через женщину, которая поставляет к столу индеек и Лилии Андреевне и твоей бывшей жене в городе. Гамзина говорит, что эта женщина специально выращивает в станице индеек для продажи. От нее-то Лилии Андреевне и стали известны слова матери Алеши, что она посылает его в дом к отцу, как мину, которая рано или поздно должна будет сделать свое дело.

Конечно, следовало бы только посмеяться над этими словами, если бы теперь не пришла эта открытка и Гамзина, передавая ее мне, не сказала, что вслед за этим должна приехать и сама мать Алеши, чтобы лично понаблюдать, как относятся к нему в отцовском доме.

И тут уже я подумала о Тане и о том, как все это может сказаться на нашей семье. Так что дело не только в открытке.

Но, конечно, и в ней. Да, я испугалась. А какая бы женщина не испугалась на моем месте? Об Алеше недостаточно сказать, что он живой мальчик. Вчера днем, когда по заданию Автономова я пришла на рыбоподъемник с поправками к проекту и случайно глянула на Дон, я с ужасом увидела, как Алеша и Вовка Гамзин купались в карьере, вымытом земснарядом. Купался, собственно, один Алеша, а Вовка Гамзин стоял на берегу в трусиках и, сложив ладони рупором, что-то кричал ему испуганным голосом. Издали нельзя было расслышать, что именно кричал, но я могу поклясться, что он звал Алешу вернуться. Но Алеша только раз оглянулся и, махнув рукой, поплыл дальше, туда, где до этого утонули две сестры-двойняшки, приехавшие из города на каникулы к отцу — инженеру Ковалеву. Одну из сестер стало затягивать под откос, подмытый земснарядом, а другая бросилась ее спасать и тоже не вынырнула. Остались лежать на берегу два одинаковых платьица в синий горошек.

И вот теперь я стояла на краю пирса и смотрела, как Алеша плывет прямо к тому месту. Мне показалось, что прошла вечность, прежде чем он вдруг круто повернул и поплыл обратно. А вдруг бы он не рассчитал и с ним бы случилось то, о чем даже страшно подумать?

Если бы что-нибудь подобное случилось с Таней, то я, может быть, просто сразу же и сошла с ума, как сошла с ума мать этих девочек, прибежав на берег. А если бы это случилось с Алешей, на мне на всю жизнь остался бы груз вины в том, в чем я не могу считать себя виноватой. Недосмотрела потому, что неродной. Та же Гамзина и Лилия Андреевна первые стали бы так говорить, а потом все это обросло бы, как снежный ком, и кончилось тем, что я и сама поверила бы, что я злая мачеха, которая утопила пасынка. И как бы тогда выглядели все эти намеки в открытке, над которыми сегодня следовало бы просто посмеяться?..

Ты, конечно, вправе сказать мне, что все это просто-напросто надуманные страхи, раз ничего подобного не случилось, и что, насколько ты помнишь свое детство, все мальчишки бывают такими. И все-таки в этом мы так и не сможем понять друг друга. Ведь из боязни быть заподозренной в наговорах на Алешу я, например, не могу даже рассказать тебе, как он ответил мне в тот день вечером, когда я решила было своей властью запретить ему купаться в карьере. Он вдруг покраснел, взглянул на меня исподлобья, как он взглядывал в первые дни пребывания в нашем доме, и сказал дрожащим голосом: «Запрещать мне может только моя родная мать». И с моей стороны было бы глупым обидеться на него, мальчик ни в чем не виноват. Он так был подготовлен до приезда к отцу, и наивно было бы надеяться, чтобы он иначе стал относиться к женщине, которая отняла у него отца. У ребенка не может быть двух матерей. И вряд ли он также согласится, чтобы та самая тетя, которая отняла у него отца, стала ему другом. В жизни все и грубее и проще.

Правда, это не мои слова, а Лилии Андреевны, я сама до последнего времени думала, что все-таки это может быть, и вынуждена теперь признать, что я жестоко ошиблась.

...Гаснут в поселке и последние уличные фонари. По приказанию бережливого коменданта в полночь повсюду выключается уличное освещение, за исключением четырехугольника кварталов, прилегающих к управлению стройки. Над эстакадой трепещет серебристо-голубое зарево, а здесь еще резче темнеют казачьи сады. Теперь уже почти не осталось на улицах и прохожих, которые могли бы удивляться, что в доме у Грековых все еще освещены окна. Два окна, две бессонные тени на колеблющемся тюле. Между ними черная полоса всего в десять шагов. Это и совсем мало и так много.

И чем дальше это тянулось, тем больше Греков понимал, что от него требуется принять какое-то решение. Во всяком случае, ни ее он не имел права подогревать на этом огне, ни тринадцатилетнего сына, который рано или поздно должен был догадаться о том, что происходит между взрослыми в доме. Дети еще более чутки, чем кажется это взрослым.

И решение пришло само собой. Греков помнил, как Алеша, когда он еще только приехал сюда, однажды с завистью сказал ему, что вот его товарищу по классу Женьке Карагодину отец достал путевку в Артек. Теперь Греков узнал, что в постройком поступили такие путевки. К его удивлению, Алеша при этом сообщении особого восторга не выказал. Вместо этого он поделился с отцом своей самой последней радостью.

— Папа, мы с Вовкой нашли в сарае еще три раколовки. Вот такие большие,— растопырив руки, он показал, какие это были раколовки.— А под вербами, ниже поселка, раков тьма-тьмущая.

И столько неподдельного счастья было в его распахнувшихся глазах, что Греков не смог выдержать их взгляда. Самое страшное, что ему теперь нужно было постараться уговорить своего сына, что в Артеке ему будет лучше, чем здесь, у отца. Не думал Греков, что жизнь заставит его вести такие разговоры с сыном.

— Раки, Алеша, конечно, важная вещь, но в Черном море водятся крабы.

Что-то стиснуло его сердце, когда он услышал встречный стремительный вопрос сына:

— Настоящие?

Это было его излюбленное слово, когда жизнь обещала одарить его новым сокровищем. Увлекался он чем-нибудь моментально. И, глядя на него, Греков в такие минуты всегда невольно вспоминал себя в детстве. Говорят, да он и сам в это верил, что те или иные черты в характере человека есть результат воспитания. Но откуда же эта черта у его сына, если он, можно сказать, и не жил с отцом?

— Настоящие, Алеша, самые настоящие.

— И ловить их разрешают?

Как обычно ни кажется взрослым невинной подобная ложь, Греков не в состоянии был прибегнуть к ней под этим безгранично доверчивым взглядом.

— Я не слышал, Алеша, чтобы на это был запрет,— уклонился он от прямого ответа.

Алешины глаза раскрывались все шире. Но в руке у него были удочки, которыми он каждый день наверняка вылавливал в Дону и в котловане перед плотиной одну, а то и две дюжины таранок и красноперок, а в резерве были еще целых три раколовки. Кроме этого, еще оставшийся впереди месяц лета обещал ему здесь очень много других сюрпризов. Достаточно сказать, что они с Вовкой Гамзиным собирались съездить на попутном самосвале в пойму на раскопки древней хазарской крепости, где, говорят, каждый день находят шлемы, мечи и наконечники от стрел. Вот бы им с Вовкой завести по такому мечу. И нужны были очень серьезные основания, чтобы от всего этого отказаться. Но в то же время его воображение давно уже занимал и этот знаменитый пионерский лагерь на берегу Черного моря.

— А правда, папа, туда приезжают пионеры из разных стран?

— Да, Алеша, это правда.

— И китайские, и английские, и французские?

— Приезжают и они.

Вплотную приближая свое лицо к лицу отца, мальчик с придыханием спросил:

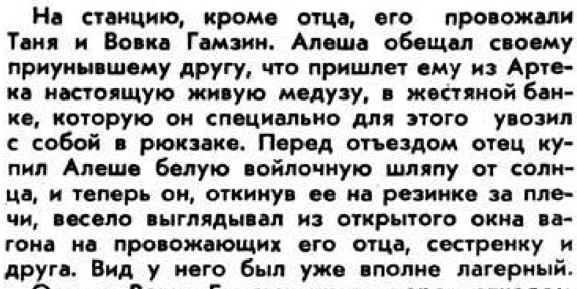
— А маленькие негритята тоже могут приехать?

— Наверняка, Алеша, я тебе не могу сказать, но почему бы и им не приехать.

Это был тот предел, после которого все сомнения и колебания Алеши прекратились. Никакие раколовки и прочие удовольствия, которые сулило ему здесь лето, не могли соревноваться с тем, что впереди ему предстояла встреча с негритянскими пионерами. Перед этим не может устоять ни один мальчик в мире.

— Папа,— испуганно сказал Алеша,— ты скорей иди возьми путевку, а то еще прозеваешь и кто-нибудь другой возьмет. А я на минутку сбегаю к Вовке и буду собираться.

И он махнул в соседский двор через забор, предвкушая, как будут встречены все эти новости Вовкой Гамзиным. Убегая от скамейки в саду, где остался сидеть его отец, он ни разу не оглянулся. Если бы он оглянулся, он бы, может, вдруг с удивлением увидел, что его отец, провожая его взглядом, внезапно круто отвернулся, уткнулся лбом в стену дома, и плечи у него странно ссутулились, объятые дрожью.

На станцию, кроме отца, его провожали Таня и Вовка Гамзин. Алеша обещал своему приунывшему другу, что пришлет ему из Артека настоящую живую медузу, в жестяной банке, которую он специально для этого увозил с собой в рюкзаке. Перед отъездом отец купил Алеше белую войлочную шляпу от солнца, и теперь он, откинув ее на резинке за плечи, весело выглядывал из открытого окна вагона на провожающих его отца, сестренку и друга. Вид у него был уже вполне лагерный.

Отец и Вовка Гамзин, уходя перед отходом поезда из вагона, по-мужски тряхнули ему на прощание руку, а Танюша вдруг обхватила Алешу за шею и заплакала. За лето она уже успела привыкнуть к тому, что у нее тоже есть брат, ее защита, и теперь горько жалела об его отъезде. И Алеша, смешав свои слезы с ее слезами, успокаивал ее, как взрослый, клятвенно обещая, что, как только она еще немного подрастет, они поедут в Артек вместе. Папа купит им две путевки.

— Правда, купишь? — поворачивая к отцу омытое слезами лицо, спрашивала Танюша.

— Конечно, Таня, правда,— улыбаясь, отвечал Греков.

При этом, затягиваясь папиросой, он выпустил целое облако дыма, которое окутало его лицо и скрыло его от глаз детей. Увидев рядом эти две головки со спутавшимися волосами, впервые вдруг остро ощутил Греков, как они были похожи. Даже уши у обоих были одной формы, как большие вареники, и оттопыривались одинаково, а волосы, несмотря на то, что у Алеши они были темнее и грубее, завивались в кольца в одних и тех же местах на затылке. Вот и скажи после этого, что матери у них разные.

Взрослые, легкомысленно устраивающие свою семейную жизнь смолоду, бывают виновны перед детьми не только в том, что за свои ошибки заставляют их расплачиваться сиротством. Судьба сирот, чьи родители живы, может быть, еще хуже, чем судьба полных сирот, которым не нужно разрываться надвое, натрое. Вина взрослых тем тяжелее, что очень часто их дети, родные по отцу или матери,— братья и сестры — на всю жизнь остаются чужими, а иногда даже становятся врагами. Немало уже успел повидать Греков за свою жизнь вот таких родных — чужих друг другу братьев и сестер — и никак не мог согласиться с тем, что Алеша с Таней тоже обречены на такое родство.

Слезы Тани быстро высохли, и по дороге со

станции она уже затеяла с Вовкой веселую возню на заднем сиденье машины. Ей ли было обращать внимание на то, что отец всю дорогу оставался сумрачным и молчаливым. Только одной мыслью и позволял успокаивать себя Греков: самого мальчика все эти магнитные бури, которые бродили под крышей их дома, так и не коснулись. Во всяком случае, он ничего о них не знал и уезжал от отца вполне довольный проведенным летом. За это время он хорошо окреп и загорел, щеки его округлились. Когда поезд тронулся, он долго махал отцу из окна рукой, и его кудрявая голова еще долго свешивалась из окна вагона, с верхней полки.

Он уехал, и Греков очень скоро пришел к выводу, что некому было особенно печалиться о его отъезде. Кроме удочек, которые Алеша забыл в спешке сборов, ничего больше не осталось от него в комнате, где он спал, возвращаясь вечером с рыбалки. Удочки еще несколько дней постояли у изголовья его постели за диваном, а потом Греков взял и отнес их в сарай.

И теперь уже ничто не напоминало в доме о мальчике, который провел здесь почти все лето. Правда, первое время Таня еще произносила имя брата за столом, вспоминая, что он сказал и что сделал, и требовательно спрашивала у отца, когда Алеша опять приедет, но вскоре и она перестала. Кто знает, может быть, она бессознательно почувствовала, как при этом за столом становилось тихо.

Но котята каждый вечер начинали требовательно мяукать под окнами в те самые часы, когда Алеша обычно приносил им с котлована рыбу.

И внешне жизнь потекла у них в семье так же, как текла она прежде. Танюша слышала, что так же, как и всегда, папа называет маму Валей, а мама его Васей. Так же утром, проводив Таню вместе до детского сада, они потом рядом шли по улице на работу и так же по вечерам Таня с матерью не спешили садиться ужинать в ожидании отца. И, как всегда, первая заслышав его шаги, Таня бежала ему навстречу на террасу и, втаскивая его в комнату за руку, торжествующе провозглашала:

— А вот и папа!

Своими невинными, чистыми глазами она не могла разглядеть, что с недавнего времени ни на папу, ни на маму ее слова уже не производили того впечатления, на которое она рассчитывала и к которому привыкла. Она привыкла к тому, что после этого у них в доме всегда начинались веселый кавардак и смех, продолжаясь и за столом во время ужина, и не представляла себе, что все это может быть как-то иначе. Тем более она не могла себе этого представить, что ей никогда еще не приходилось видеть, чтобы ее мать и отец ссорились и кричали друг на друга так, как, например, нередко ссорились и кричали за забором у соседей, у Гамзиных. У нее вообще не было причин заподозрить, что жизнь в их семье изменилась.

Ей ли в ее пять лет было знать, что иной мир в семье хуже ссоры и что самые близкие люди могут, продолжая спокойно разговаривать, оставаться чужими. Не знала она и того, что только колокольчиком ее голоса теперь и соединялась в одно целое их семья за столом во время обеда. А стоило колокольчику умолкнуть, и тотчас же опять воцарялось молчание.

Вероятно, должно было пройти время, чтобы прозрачная завеса, разделившая его и его жену, сама собой пала или растворилась. И Греков неосознанно радовался, что в эти дни он так редко бывает дома. Вода, разливаясь по пойме, доставала до новых высоких отметок, уже и в самом деле, как говорил Автономов, мочила пятки, и нужно было от нее уходить. А на серой бетонной шубе, которой одевали плотину, оставалось еще много зияющих прорех, еще и не весь лес порубили и выкорчевали в пойме.

Теперь Греков все чаще, проездив весь день по стройке, заночевывал где-нибудь на участке, а если и приезжал домой, то уже так поздно, что Валентина Ивановна с Таней спали. И утром он уезжал до их пробуждения. Впрочем, он нетвердо был уверен, что Валентина Ивановна в это время еще спит, ему казалось, что он слышит шорохи из ее комнаты, но дверь туда была закрыта. Зная, что в эту пору он обычно никогда не завтракал, она с вечера оставляла ему на столе банку с молоком, он выпивал ее натощак и опять уезжал на весь день.

Завтракал он, как и прежде, в столовой управления. Иногда он встречался здесь с Валентиной Ивановной, и тогда они вместе садились за столик. Если к ним не подсаживался кто-нибудь третий, почти в полном молчании проходили у них эти завтраки. Если бы раньше кто сказал Грекову, что наступит день, когда он будет обмениваться со своей женой всего лишь короткими фразами о прогнозах синоптиков и уровне воды, наступающей на плотину, он бы посмеялся в лицо этому человеку. Но, оказывается, никогда не следует самоуверенно считать себя застрахованным от того, от чего не застрахованы все другие люди.

За это время он успел освободиться от некоторых иллюзий и кое-что понять из того, чего не понимал раньше. Да, у одного ребенка не может быть двух матерей, а если есть две матери, то это все равно, что он сирота. Нет, еще хуже сироты. Сирота определенно знает, что он сирота, а у этого, в сущности, нет ни матери, ни определенности. К сожалению, живет еще эта пословица об отрезанном ломте. Может быть, когда-нибудь в будущем, когда окончательно отомрут или приобретут совсем иной смысл эти слова «мое» и «чужое», и сирот больше не будет и на всех детей установится у всех людей только один взгляд: наши дети. И не есть ли это то самое, ради чего стоит жить, ради чего теперь и бушуют под каждой крышей человеческие страсти?!

И пусть несколько поздно, но жизнь вплотную подвела его и к другому суровому выводу, что если ты когда-нибудь по молодости или по какой-нибудь другой причине совершил ошибку, то весь груз расплаты за нее прими на свои плечи и неси его до конца, не перекладывая его на плечи других. Если же ты спохватился с таким опозданием, когда исправление прежней ошибки может повлечь за собой новую, еще более тяжелую, призови на помощь весь опыт своей жизни и сделай все, чтобы никто не пострадал, кроме тебя самого. Забудь о своем благополучии и счастье, которые не могут быть построены на чужом несчастье.

Как будто где-то в душе у Грекова произошел обвал и теперь там образовалась пустота, которую могло заполнить лишь время. Только не нужно спешить, не нужно принимать преждевременных решений.

И он откровенно обрадовался тому, что от него потребовалось в эти дни отлучиться со стройки.

Уже по словам Автономова, коротко бросившего по телефону: «Зайди ко мне»,— он почувствовал, что тот чем-то раздражен. И, войдя в кабинет к Автономову, он сразу же увидел, что не ошибся. Кожа его чисто выбритого лица то воспламенялась красными пятнами, то матово бледнела. Когда Греков вошел, он разговаривал по телефону с Гамзиным. Не хотел бы Греков очутиться в этот момент на другом конце провода.

— Известный аппарат дан человеку,— говорил Автономов в трубку,— чтобы думать не только одной четвертушкой этого аппарата. Выбирай из двух: или через месяц камера для первой турбины будет готова, или же пойдешь начальником поселковой бани. В порядке заботы о гигиене трудящихся. Все.— И, бросив трубку на рычажок, он оглянулся на Грекова высветленными яростью глазами. Не здороваясь, он выскочил из-за стола и, схватив его за рукав, потащил к большой карте на стене кабинета.— Вот, любуйся.

Это была давно знакомая Грекову карта стройки и всего подлежащего затоплению района, сплошь испещренная красными и синими стрелками, линиями и кружками, как бывают испещрены военные карты. Синие кружки и стрелки означали уже намытые и забетонированные секторы плотины, смонтированные узлы гидротехнических сооружений, а красные — фронт еще не завершенных работ и уровень наступающей воды.

— Что? — высвобождая рукав из клещей его пальцев, спокойно спросил Греков.

— Твоя знаменитая станица! — И взмахом карандаша Автономов резко отчеркнул жирной чертой один из красных флажков на карте.

— Почему же знаменитая?

— Потому что теперь она мне начинает всю обедню портить. Мне нужно пойму заполнять, а я не имею права все шандоры закрыть. Им, видите ли, жаль расставаться с могилами своих незабвенных предков. Они, знаете ли, не в силах оторваться от земли, политой нержавеющей казачьей кровью.— Автономов сунул палец за воротник кителя и дернул так, что крючок повис на беленькой нитке. Воротник распахнулся, открыв красную шею с набухшими синими жилами. В эту минуту Персианов открыл из приемной дверь, неся перед собой развернутую папку с бумагами на подпись, но Автономов оглянулся на него так, что он мгновенно исчез за дверью.— Что же ты ничего не скажешь? Как воды в рот набрал.

— Скажу, что все это не так просто...— начал Греков.

Автономов не дал ему окончить:

— Что не просто? Что?!

— И эти кладбища и политая, как ты говоришь, нержавеющей кровью...

— Это не я говорю. Это твой Шолохов написал.

— Кажется, ты тоже...

Но Автономов опять его перебил:

— Не помню, не помню. А вот я тебе могу напомнить... Все эти кабаки, суеверия, обычаи, лампасы и тому подобное мракобесие. Постой, постой! — закричал он, заметив протестующее движение Грекова.— Слепые, как кроты. Не для нас же с тобой, а для них совершается настоящая революция в этой степи, проклятой богом и людьми.

— Третья.

Автономов с недоумением остановился.

— Что?

— Третья революция при жизни одного поколения.— И Греков стал загибать пальцы:— Октябрьская — раз; коллективизация, как говорил Сталин,— два. Теперь, по твоим словам,— это уже третья. А люди все одни и те же.

Автономов уже ушел к себе за стол и оттуда, нахохлившись, спросил:

— Что же ты этим хочешь сказать?

— Вовсе, конечно, не то, что я против революции, а всего лишь то, что одно дело — заставить людей под нажимом, а другое — чтобы они сами сумели понять. Даже металл, как ты знаешь, устает. Так это и называется: усталость металла.

— Это каждому пионеру известно. Вот я дам команду закрыть все шандоры и перетоплю всех этих пламенных казаков, как сусликов.

— Команду, конечно, всегда можно дать.

Два огонька зажглись в глазах у Автономова.

— Можно, но я, между прочим, погожу.— И веселая ярость плеснулась из его глаз.— Это я всегда успею. Я подожду ее давать, пока ты не съездишь в эту свою Приваловскую и не совершишь там революцию. Тебе не впервые. А не совершишь, то тогда я вправе утопить и тебя там вместе с аборигенами, как суслика. За этим, между прочим, я тебя и вызывал.

— Вызывал? — тихо переспросил Греков.

Автономов криво усмехнулся:

— Можно переделать и на «пригласил», если это лучше звучит.

— Это звучит иначе.

— И сколько же тебе потребуется времени для совершения этой революции?

— Вот этого я тебе даже приблизительно не сумею сказать.

— Но ты-то, надеюсь, понимаешь, что вода не будет ждать?

— Это теперь каждому пионеру известно.

Окончание следует.

Е. ТУМАРКИНА

4 апреля народная Венгрия встречает свою семнадцатую свободную весну.

Им всем сейчас по семнадцать: и старейшим, существующим более ста лет заводам, и переживающим детский возраст новым городам, шахтам и домнам, и родившимся совсем недавно электростанциям. Все они юны, потому что семнадцать лет назад государство, называвшееся страной «трех миллионов нищих», вступило на новый, светлый путь — путь национального возрождения, строительства социализма.

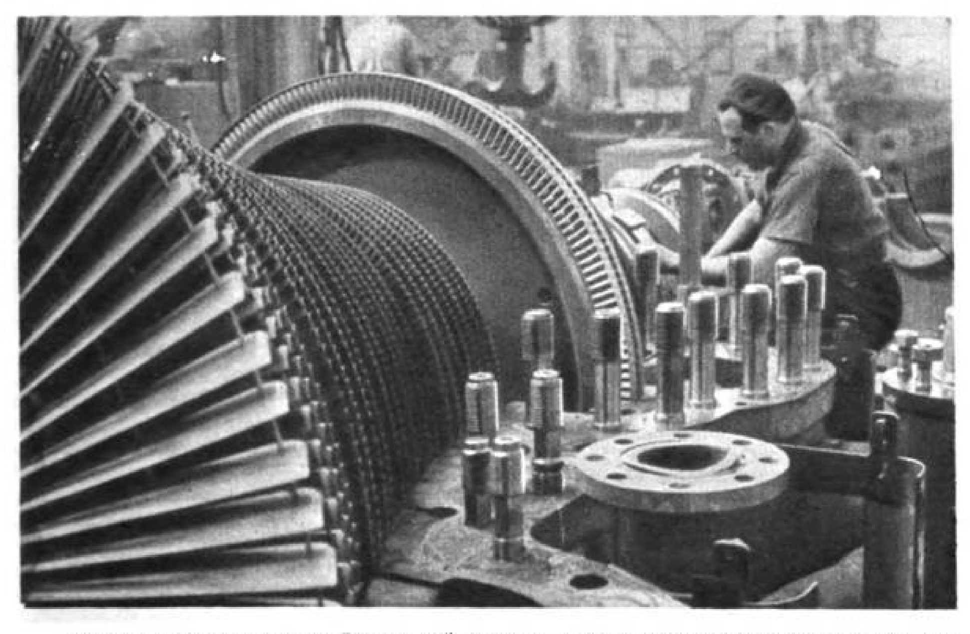
Венгерская весна — это не просто время года. Ее переживает не только природа Венгрии. Живительные весенние соки текут сейчас не только в ветвях растений; они кипят в крови всей страны, бегут по ее новым магистралям, питают многочисленные предприятия и стройки.

Фото МТИ.

Парламент... Давно уже нет здесь ни капиталистов, ни помещиков, ни банкиров. Государственные проблемы решают подлинные хозяева страны — люди труда. Они владеют заводами и фабриками, им принадлежат большие земельные богатства, они законодатели свободной Венгрии.

Венгерская весна

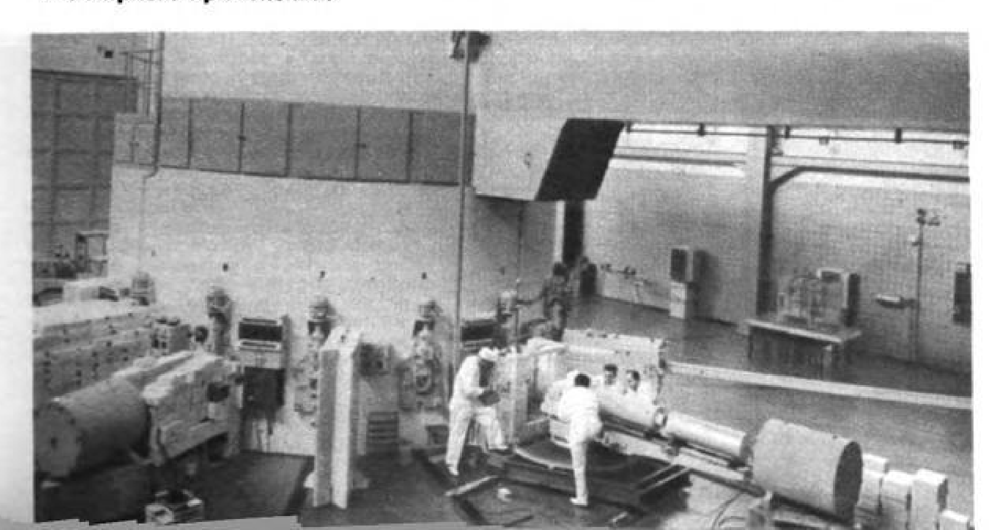

В бывшей сельскохозяйственной стране промышленность развивается высокими темпами. Будапештский машиностроительный завод Ланг выпускает турбины больших мощностей, идущие во все концы света. Вот сборка одной из таких турбин.

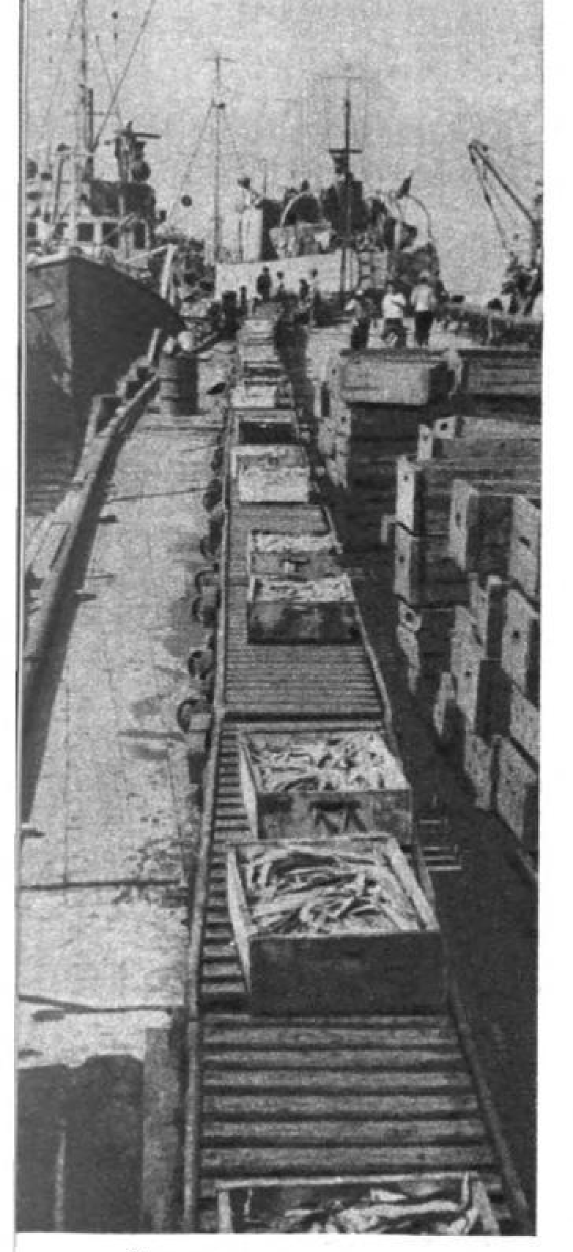
Широко раскинулись поля пилишверешварского производственного кооператива «Уй элет». В переводе на русский язык это означает «Новая жизнь». Название очень точно соответствует содержанию. Новой жизнью живут венгерские крестьяне.

Центральный научно-исследовательский институт атомной физики. Здесь венгерские ученые проникают в тайны атома, изучают новые возможности его мирного применения.

Никогда в истории страны не издавалось столько книг, как теперь. Сотни книжных магазинов Будапешта имеют в своем распоряжении литературу самого разнообразного содержания. На снимке: торговый зал книжного магазина в Будапеште.

Идет сайра.

Фото автора.

Путешествия «Огонька»

Семен ШУРТАКОВ

На кр

Лучшее место

На Шикотане две великолепные — каких, пожалуй, и на всех Курилах не найти — бухты: Крабовая, в которой мы ошвартовались, и по соседству с ней — Малокурильская. В той и другой бухте построены рыбозаводы, при заводах выросли большие поселки с клубами, магазинами и столовыми.

Мы сидим в директорском кабинете, из окон которого хорошо видна и вся бухта, густо уставленная рыболовецкими судами, и оба завода.

Зиновий Николаевич Салий, директор рыбоконсервных заводов, рассказывает, что когда он приехал сюда, то, кроме нескольких ветхих фанз да полуразвалившейся котельной и жиротопки, ничего здесь не было. Правда, были еще два дырявых барака. Бараки удалось хоть как-то отремонтировать и на первых порах приспособить под жилье. А на жиротопку пустили бульдозер: она только мешала строительству.

Завод построили быстро.

— Но это сейчас вот мне легко говорить: быстро.— Салий опять улыбается.— А ведь начинать-то приходилось даже и не с завода. Ведь здесь не Украина — я с Украины родом — и даже не Сибирь, куда оборудование можно привезти поездом или автомобилем. Сюда все идет морем. А судну надо к чему-то пристать. Так что строили сначала пирсы. А ведь японцы после себя даже ни одного приличного пирса не оставили...

Салий рассказывает про замечательных плотников Владимира Фетисова и Федора Храновского, забивавших первые сваи пирсов, и я вижу тех целинников, которые забивали в голой казахстанской степи первые колышки палаток. Таких людей роднят не только одинаково суровые трудности новоселов, но, наверное, и еще что-то большее.

— А завод построили быстро,— повторяет Салий,— меньше чем за год. Да и опять же, считай, вместе с заводом строились и жилье, и столовая, и электростанция, клуб, медпункт. А второй завод — хоть он и вдвое больше первого — построили еще быстрее. В январе я видел его еще только в чертежах, а в июле он уже начал выдавать продукцию.

Как вы думаете, сколько лет Салию? Он имеет высшее специальное образование и уже успел не один год поработать инженером-технологом на рыбокомбинате в Приморье, затем директором рыбозавода, а теперь вот еще и построил здесь, на Шикотане, два завода. Сколько же ему: сорок, пятьдесят? Салию только-только перевалило за тридцать.

Разговаривая со мной, он нарисовал что-то похожее на футбольный мяч. Я вспоминаю, что о футболе Салий говорил с кем-то по телефону, когда я вошел в кабинет. Коим грехом, уж не болельщик ли директор? Однако где здесь и за кого болеть? Разве что по радио...

Я не успеваю спросить об этом Салия: в кабинет со смехом, с шутками вваливаются гурьбой молодые парни и, не теряя времени, прямо от порога начинают говорить что-то о сайре, о «жуке», как называют здесь буксирные катера, и о... футболе. Кто-то где-то завтра должен «припухнуть».

Тоже болельщики и, зная слабость директора, подлаживаются под него? Нет, что-то не похоже.

Так же быстро и шумно, как пришли, ребята оставляют кабинет, сталкиваясь в дверях с главным инженером завода Анатолием Тунгусовым. Тот проходит к столу, садится. Он еще моложе директора, и, глядя на них, я вспоминаю такого же председателя колхоза Семенюка с Кунашира, вспоминаю капитана комсомольского сейнера Николая Бондарца. Курилы — молодой наш край, и заселяют, обживают его молодые!

В разговор инженера с директором тоже между сайрой нет-нет да и встрянет футбол. Да в чем тут дело наконец?

— А в том,—объясняет Салий,— что завтра в Южнокурильске — большой футбол: наша команда играет с «Ракетой». Вот мы и прикидываем, на какой посудине лучше всего ребят отправить.

Вот оно что! Значит, директор не просто болельщик. Директор заботится о своих физкультурниках. Что ж, это очень хорошо, такая забота похвальна.

Хочется поглядеть заводы, о которых только что рассказывал мне Салий, и я прошу его дать когонибудь в провожатые.

— Ну, это дело нехитрое — показать,— улыбается Салий.— Сам покажу. Пошли!

Директора ждал добрый десяток всяких неотложных дел — это видно было из длинного наказа, который Салий дал перед нашим уходом главному инженеру,— и все-таки он сам вызвался идти со мной. Я потом только понял, почему он так сделал.

Во всю длину пирса, к которому пристают рыболовецкие суда, вытянулся конвейер. По нему из судовых трюмов беспрерывным потоком движутся ящики с серебряной сайрой. С конвейера сайра попадает в приемный блок — просторное, заваленное льдом помещение.

Войдя в это помещение, я огляделся. Штабеля ящиков, горки льда. И все. Холодно и малоинтересно, можно идти дальше. Однако Салий не торопится. Он ворошит в ящиках рыбу, трогает рукой лед, будто хочет убедиться, что он достаточно холодный, и так-то ему это интересно, так-то он доволен!

Лед! Что такое лед? Это — начало всех начал, когда дело имеешь с рыбой. На заводе может случиться какая-то поломка, может остановиться на какое-то время целый цех — и то и другое поправимо. А вот если нет льда, тут уже ничего поправить нельзя: труд рыбаков пойдет насмарку. Если не будет льда, рыба пропадет еще по дороге на завод, тем более такая нежная рыба, как сайра...

Обо всем этом Салий мне говорит горячо, вдохновенно, словно собственного сочинения стихи читает. Поэтично звучат у него даже сухие цифры, когда он говорит, сколько льда в сутки выдается у них на заводе специальным льдогенератором.

Со слов Салия получается, что все у них на заводе редкостное, необыкновенное. Тот же генератор — самый мощный на Дальнем Востоке. Прошли мы из приемного блока в цех первичной обработки рыбы, затем дошли до главного конвейера. Рядом с ним —

Окончание. См. «Огонек» № 13.

ПЕСНЯ СТРОИТЬ И ЖИТЬ ПОМОГАЕТ

Несколько лет тому назад по радио прозвучала азербайджанская песенка «Цып, цып, цып, мои цыплятки». Веселую мелодию сразу запомнили и подхватили слушатели. Но прошло совсем немного времени, и песня эта вернулась в Баку с другими словами:

Тип, тип, типовая,
Это песня не простая.
Мы мотив знакомый взяли
И словесность привязали.

Слаженный мужской хор часто исполнял ее по радио, пел на концертах в Колонном зале и перед комсомольцами Норильска, у строителей Киева и зодчих Ленинграда. И слушатели аплодировали и вторили хору:

Очень нужно типовое...
Очень нужно заводское...

Так в 1955 году мы познакомились с «Кохинором» — музыкальным сатирическим хором «Моспроекта».

Время шло. «Кохинор» с карандашами наперевес и белыми скатками халатов уверенно с песней шагал по музыкальным конкурсам, занимая первые места на Всесоюзном смотре самодеятельности, на Московском фестивале и других, а его участники между тем один за другим получали призы и премии на архитектурных конкурсах.

— В наших песнях мы говорим о том, что отвергаем,— делятся своими замыслами кохиноровцы,— а в своих архитектурных и инженерных проектах — о том, что предлагаем.

Видно, то, что предлагают кохиноровцы, так же метко, своевременно и здраво, как и их репертуар. Поэтому проекты эти и претворяются так быстро в жизнь. Нам, правда, не пришлось подсчитать, сколько построено по проектам кохиноровцев, но, судя по фотографиям уже воздвигнутых зданий, по планам, проектным чертежам, много.

Музыкальный руководитель хора архитектор Игорь Покровский и один из поэтов «Кохинора», Ф. Новиков,— авторы проектов станции метро «Краснопресненская», кинотеатра «Прогресс», Дворца пионеров, который строится сейчас на Ленинских горах...

Немало в Москве построено по проектам «первого тенора» В. Косаржевского, «первого комического баса» Л. Соколова, «старшины» хора Б. Шлифштейна. Да только ли в Москве? Все чаще художественному совету хора приходится давать «увольнительные» своим «рядовым» ввиду их отъезда на строящиеся объекты.

Не отстают и девушки — автор текстов Римма Алдонина и солистка О. Лебедева.

И десяти лет не прошло, как участники «Кохинора», покинув студенческую скамью, пришли в «Моспроект», а сколько сделано, сколько спето!..

— Репертуар у нас текучий: с каждым годом все быстрее и быстрее отмирают песни,— говорят кохиноровцы.— Да к этому мы и

ай света

полуавтоматическая линия. Думаете, обыкновенная? Ничего подобного! Тоже редкостная. Таких линий во всей стране только четыре: три в Прибалтике и одна вот здесь, на Шикотане.

Не забыл показать мне директор и печь, в которой сайра обрабатывается горячим паром — отсюда ее название: бланшированная,— и коптилку, и склад готовой продукции. И было просто удивительно, с каким интересом, с каким удовольствием Салий показывал то, что он сам видит каждый божий день.

Начали мы со старого завода, потом пошли на новый. Нет нужды его описывать: он в общем-то похож на первый. Только что светлее, чище и в два раза больше. Новый завод очень экономично спланирован и оснащен самой первоклассной техникой. Салий с гордостью, прямо-таки с ликованием показывает различные хитроумные механизмы и автоматы, и теперь мне хорошо понятна его радость.

— Увидите вот такие буковки и цифры, в жести выдавленные,— говорит Салий, показывая на только что изготовленную банку сайры,— знайте: у нас, на Шикотане, сделано. А опять сюда, на наш остров, дорога ляжет — с собой не везите: ни к чему...

Это он вот о чем говорит. По дороге на Дальний Восток, где-то в Сибири, кажется, в Иркутске, купил я баночку сайры, а съесть забыл. Так с той банкой на дне чемодана и приехал на Шикотан. Здесь наткнулся на нее, показал Салию, тот почитал буковки и цифры: а ведь банка-то наша!

Вспомнив этот случай, мы дружно смеемся. Особенно весел, оживлен Зиновий Салий.

Забегая вперед, я бы мог сказать, что завтра вечером увижу его расстроенным и огорченным. Завтра в ответственном матче «двух континентов» — Кунашира и Шикотана — малокурильцы проиграют «Ракете». Проиграют со счетом 0 : 2. И Салий, утешая себя, будет говорить, что «Ракета» — очень сильная команда и что это было почетное поражение, но от такого утешения веселей ему не будет. Почему же так огорчит директора проигрыш рыбозаводцев? Что у него, других забот мало? Все-таки проигрыш на футбольном поле — это еще не срыв плана выпуска сайры, и стоит ли его принимать так близко к сердцу, будь ты хоть самым заядлым болельщиком? Вся и беда-то в том, что Салий не просто увидит, как проигрывают малокурильцы. Он не просто будет болеть за свою команду, но лично сам вместе с ней проиграет «Ракете». Да, да, директор, как и всегда,— об этом я тоже узнаю еще только завтра! — будет играть центром нападения. Больше того, Салий, как давнишний разрядник — тренер своей команды. Так что есть от чего огорчиться.

Но это будет еще только завтра. А пока Зиновий Салий весел и жизнерадостен. Он только что испытал большое удовольствие от того, что еще раз поглядел на дело рук своих, на дело рук товарищей.

...Над бухтой опускается вечер. Малокурильская очень похожа на Крабовую: так же окружена горами и с моря в нее ведут такие же каменные ворота.

Здесь, в бухте, уже сумеречно. Вода у берегов под сопками черная, и прибрежные огни по этой черноте, как по дегтю, струятся. И скалистые ворота совсем темные. А за ними тихо сияет розово-золотистое закатное небо. Чуть выше ворот как бы гигантской перекладиной легла-распласталась густо-синяя, с лиловым оттенком туча, а над тучей опять сияющая лазурь, нежная голубизна. У горизонта, в далекой-далекой дымке, тонет Кунаширский берег, кажется, что плывет он сказочным кораблем куда-то и величественный Тятя — надстройка этого корабля. Там, в той немыслимой дали, все нечетко, невнятно по краскам, все тонко растушевано, размыто. А переведешь взгляд опять на бухту — тут все сочно, ярко, без переходов. Вон черная, затененная сопками вода, а от ворот и прямо до самых твоих ног идет голубая полоса. И силуэты многочисленных судов и огни на этих судах четко повторены в воде, колышутся тихонько, трепещут, будто хотят стронуться, уплыть куда-то и не могут...

Я вспоминаю, что Шикотан в переводе с языка айнов — Лучшее место, и соглашаюсь с этим.

Край света

Ну, хорошо. Мы проделали большой путь от Москвы до Сахалина, с Сахалина добрались до Большой Курильской гряды, теперь уже на Малой обретаемся, а где же обещанный край света?

Большущий завод, который вырос в бухте Малокурильской меньше чем за полгода и который мы только что посмотрели, вырос, собственно говоря, на краю света: Шикотан — последний восточный остров.

Когда-то для айнов Шикотан казался лучшим местом. Им был неведом материк, они знали только близлежащие острова, и среди них этот был лучшим. Может, потому он им так нравился, что здесь необыкновенно вкусна вода в звонких и прозрачных, как слеза, горных ручьях, в которых к тому же еще и полно форели? А может, потому, что в богатых здешних лесах водилось множество дичи и всякого зверя, а у островных берегов хорошо ловилась рыба? Или за мягкий, теплый климат любили они этот остров — недаром здесь и деревья и особенно травы вырастают до гигантских размеров: та же медвежья дудка здесь разрастается за лето до десяти сантиметров в толщину и до трех-четырех метров в высоту, а листья лопуха — чуть ли не до полутора метров в диаметре... Как бы там ни было, но остров считался Лучшим.

И словно в насмешку над этим названием японцы устроили на Шикотане нечто вроде концентрационного лагеря для айнов, обрекли их на вымирание.

Сейчас остров заново возрождается к жизни. И хоть лежит он далеко в Окиян-море восточном, на краю света, а пройдет еще пять, десять лет, и — как знать! — станет снова тем же, чем и был когда-то,— Лучшим местом.

Растут заводы, десятки и десятки судов дымят у причалов шикотанских бухт. И не так-то легко, не сразу верится, что все это на краю света. Впрочем, если уж быть точным,— это еще не настоящий край света. Бухты, как уже говорилось, находятся на «нашей», на западной стороне острова.

Если же мы пройдем по распадкам в глубину острова, а затем переберемся через один горный ручей да через другой, если мы потом повернем влево и пройдем склонами гор, поросшими березой, елью, пихтой и все тем же непролазным бамбуком, и выйдем наконец на гребень, на перевал,— мы увидим восточный край острова, мы увидим перед собой мыс, который так именно и называется: Край света.

С гребня, с высоты видно, как деревья ярус за ярусом спускаются все ниже и ниже, потом идут сплошным лесом, оборвался лес, деревья пошли лишь отдельными купами, а вот и они кончились. Вон стоит последний телеграфный столб.

Ровно, полого, плоско лежит тут морской берег. Мыс просторный, далеко вдался в море, и голый, только травой поросший. Не скала, не гордый утес, а именно вот шла, шла земля — горы, долы, реки, ручьи,— а тут спустился ты склоном сопки к морю и все — дальше идти некуда: Край света! Дальше на тысячи верст только волны, ветер, бескрайний океан и такое же бескрайнее небо над ним. Край света...

Наше путешествие подошло к концу.

стремимся, чтобы материала для нашего сатирического хора становилось все меньше и меньше.

Недавно «Кохинор» и девичий сатирический хор «Моспроекта» «Рейсшинка» были в гостях у «Огонька». Они исполнили много новых остроумных песенок. В финале их концерта весело и бодро, словно итог большого разговора, прозвучала песня «В путь!»:

В путь! В путь! В путь!
Столицу строим сами.
И не Москва ль за нами?
Ведь нас труба зовет:
Ребята, вперед!

И. ВЕРШИНИНА

Выступление «Кохинора» в Колонном зале Дома союзов. →
Фото В. Носова.

ПРИДЕТ

Н. МУРАВИНА

Фото А. ГОСТЕВА.

На таежной реке Сабун работает сейсмическая партия Сургутской нефтеразведки. Сейсмической съемкой руководит оператор Нуру Нуруллаев. Ему двадцать пять лет. У него живое, доброе, смуглое, с крупными чертами лицо. Вьющиеся волосы, огромные глаза, густые, сросшиеся на переносице брови. Широкие плечи, крепкая, коренастая фигура, налитая силой... Товарищи прозвали его бакинским сибиряком. Жизнь у него еще короткая — четверть века, и ему кажется, что о самом себе ему пока еще нечего рассказывать. Пожалуй, он слишком строг и требователен к себе. По-моему, у Нуру очень интересная биография.

Там, где он родился и вырос, земля казалась пропитанной нефтью. Нуру учился в Азербайджанском институте нефти и химии. Брат его, окончивший институт несколькими годами раньше, остался работать в родном Азербайджане. Но пока Нуру учился, география нефти изменилась. Конечно, при желании можно было остаться в Баку. Но Нуру был геофизиком. А геофизику сейчас интереснее всего работать в Сибири.

...Недалеко от берега плавают два гидромонитора. Между ними качаются на воде боны — вереница связанных по двое бревен. На этой растянувшейся по течению реки на двести семьдесят пять метров косе установлено на бревнах сто девяносто два радиоаппарата-сейсмоприемника, соединенных друг с другом проводами. После каждого взрыва они подают на сейсмостанцию сигналы. Там их воспринимает осциллограф, фиксирующий отражения взрывных волн на фотобумаге.

В горах, где породы часто выходят на поверхность, простой геологический молоток и геосъемка позволяют узнать, какие богатства спрятаны в недрах. Гораздо труднее обнаружить нефть на сибирских равнинах, где она залегает глубоко под молодыми четвертичными отложениями. Исследовать непроходимые топи можно лишь зимой, когда их сковывает лед. Летом разведку ведут на реках с катеров и гидросамолетов. Отряды сейсмологов проходят по льду или по воде огромные безлюдные просторы, производят искусственные взрывы и по колебаниям отражающих пластов определяют структуры земной коры на глубине двух-трех тысяч метров и более. Нефть всегда залегает в изгибах и поднятиях пластов. Воссоздавая рисунок подземного рельефа, сейсмологам удается определить, где целесообразнее всего ставить буровые вышки...

...Бесконечная снежная равнина, замерзшие кочки, выступающие на болотах, как могильные холмики; пятидесятиградусные морозы и пронизывающие насквозь ледяные ветры — все было ново для Нуру.

Родители спрашивали в письмах, как он устроился, где поселился, в общежитии или на квартире.

Нуру не хотел беспокоить их и отвечал, что живет на квартире. На самом же деле он жил теперь среди замерзшего болота в балке. Но объяснить им, что такое балок, наверно, было бы так же трудно, как описать сибирские морозы, о которых они, всю жизнь прожившие на Кавказе, не имели представления.

Балками в экспедиции называли маленькие сарайчики с плоской деревянной крышей, окошком, четырьмя нарами и железной печкой.

Лампа, умывальник, чурки, заменяющие стулья, кружки и ложки — все в балке было на привязи. Стол приколачивали к стене. Вагон не вагон, но вечно в дороге. Каждый день утром и вечером тракторы на жестких, сделанных из труб прицепах перетаскивают балки на новое место... Звенит, стучит, качается и трясется утварь, как в морскую качку на пароходе.

Ни в одном из учебников, которые Нуру изучал в институте, не учили всему тому, что знал и постоянно применял на практике опытный оператор Александр Анисимович Беляев, которому Нуру назначили в помощники. Глядя на него, бакинец понял в первую же зиму: для того, чтобы быть хорошим оператором, мало детально изучить сейсмическую съемку, надо уметь водить тракторы, вытаскивать машины из болота с помощью ворота-«ваньки» и полиспаста и знать еще множество других необходимых в тайге вещей, которым не учили в институте.

Особенно тяжело было организовать сейсмическую съемку в апреле, когда болота стали оттаивать. Люди почти целыми днями брели по льду по колено в воде. Трактористы, перевозившие балки и оборудование, ехали с открытыми кабинами, чтобы можно было выскочить, или же шли по треснувшим льдинам позади тракторов, привязав к рычагам управления вожжи...

Летом Нуру назначили оператором. В июне в тайге было столько комаров, что, когда бросали кепку, она не падала. Тучи комаров держали ее в воздухе на своих крыльях.

Одним из верных помощников Нуру Нуруллаева был водитель катера «Ротор» Станислав Терентьевич Селезов — высокий загорелый человек с задумчивыми, глубоко сидящими карими глазами, самый старший и опытный участник экспедиции.

— Тридцать один! — смеясь, говорил Селезов о своем возрасте.— Свой «человеческий век» я уже прожил. Слышали вы эту сказку, будто человеческой жизни каждому положено только тридцать лет?

На брандвахте была большая библиотека, были там и голубенькие томики с рассказами Ивана Алексеевича Бунина, один из которых, «Молодость и старость», глубоко запал в душу этому речному человеку.

Я напомнила ему:

— А помните, Слава, как старый курд, рассказывавший эту сказку, объяснял, почему он навсегда остался молодым? Потому что всю жизнь прожил по-человечески: не копил добра, не стерег его, как злая собака. Словом, никогда не был мещанином...

Целеустремленность и романтизм Нуру Нуруллаева, Станислава Селезова и их товарищей были одной из пружин, позволявших сейсмической партии двигаться по реке быстрее обычного. Шаг за шагом, стоянка за стоянкой прошли нынешним летом Нуру Нуруллаев, Станислав Селезов и их спутники безлюдные таежные реки Вах и Колын-Еган. Сотни километров проплыли они по узкому, непрестанно извивающемуся Сабуну мимо бурелома и песчаных кос, оставляя позади в зарослях ивняка и тальника пустые ящики из-под взрывчатки.

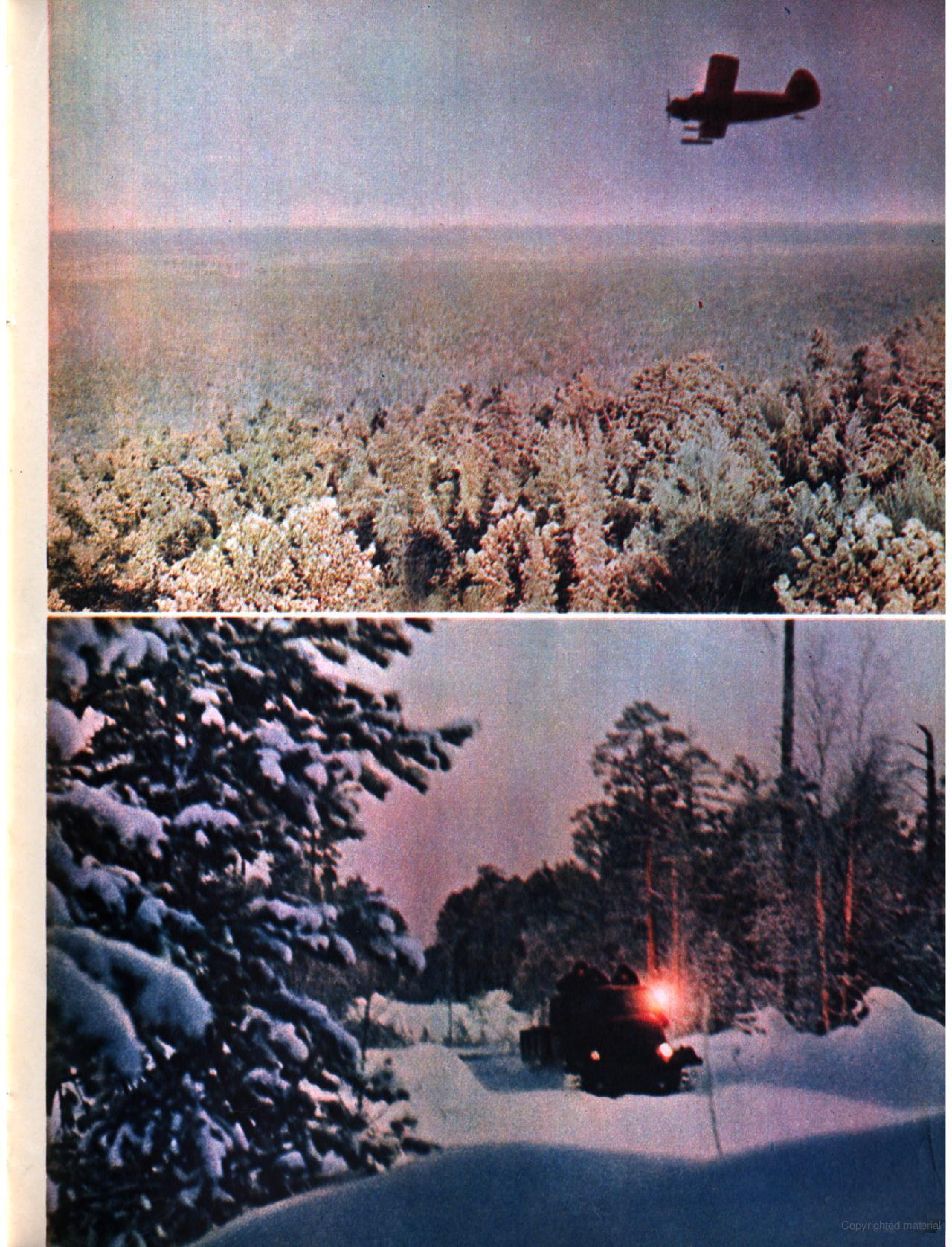
И не напрасно пришли они на безвестные места!.. Может быть, им и суждено прославить эти реки, заставить тысячи людей восторженно повторять их имена, как повторяют прежде никому почти не известные названия — Шаим и Мегион, где уже открыты богатейшие месторождения черного золота — первенцы сибирской нефти. Вслед за сейсмологами придут на Сабун и на Колын-Еган буровики, срубят на их берегах избы, построят сорокаметровые вышки... А через семилетие, когда вступит в действие мощная Нижне-Обская ГЭС, здесь зажгутся электрические огни, среди осушенных болот начнется строительство промышленных предприятий. По следам, проложенным первопроходцами и разведчиками, в страну болот, тлетворной сырости и извечного запустения придут люди, придет жизнь...

Сибирская тайга.

Вездеход — верный помощник разведчиков нефти в тайге.

ЖИЗНЬ

← Еще одна вышка.

Ходоки у Чапаева. Сцена из пятой картины оперы Б. Мокроусова «Чапай» в Чувашском академическом музыкально-драматическом театре имени К. В. Иванова. Чебоксары.

Фото С. Фридлянда.

Полчаса до спектакля. Надо срочно гримироваться. Артистка Лидия Романенко (справа), исполняющая партию Анки, помогает учащейся балетной студии Валентине Осановой, только что приехавшей из села Кугеси, где она преподает химию в школе.

Чебоксарах появилась национальная чувашская опера.

Люди сделали почти невозможное, создав оперный театр, хотя для этого не было ни помещения, ни хора, ни балета.

А что же было?

Закончив актерский факультет Института театрального искусства в Москве, будущий постановщик «Чапая» Борис Марков решил учиться дальше. Он знал, как нужны родной Чувашии работники сцены, и пошел на режиссерский факультет, на курс Алексея Попова.

А будущий исполнитель Чапая, Трофим Серов, из села Явлеи, Алатырского района, в то время сапожничал на Дальнем Востоке, служил в армии, был ротным запевалой, потом вернулся в Чебоксары и учился по вечерам в музыкальном училище...

Москвичка Людмила Жирнова, хормейстер оперы, кончала Ленинградскую консерваторию.

В ансамбле Игоря Моисеева проходил школу классического и народного танца главный балетмейстер театра Василий Богданов.

Сдавал последние экзамены в Саратовской консерватории Мефодий Денисов из деревни Старые Чукалы, Шемуршинского района, будущий Фурманов.

Учились в Казани и Москве, Одессе и Минске, Ленинграде и Киеве многие участники и создатели спектакля...

Потом они собрались в Чебоксарах. Оперы здесь еще не было. Зато работал республиканский драматический театр, организованный в 1918 году. И люди решили:

...опера должна быть.

Константин Иванов, Иван Яковлев — выдающиеся просветители — задумывались о национальной опере, в любительских кружках разыгрывали оперные отрывки. В 1913 году в Чебоксарах собирались поставить «Ивана Сусанина». Но и в 1959 году оперы здесь еще не было. Для ее создания требовалось не двадцать и не тридцать человек. Где их взять? Пробовали обратиться в ансамбль песни и пляски; там отказались. В музыкальном училище тоже ничего не вышло.

Тогда-то и пришла мысль — создать при театре вечерние студии: вокальную и балетную, объявить открытый конкурс.

Мысль дерзкая.

Участников художественной самодеятельности иногда использовали в профессиональных спектаклях, но чтобы театр основывался на самодеятельных коллективах — такого не было.

В драмтеатре каждый вечер шли спектакли. Студийцам надо было где-то репетировать. Наконец, на старом монастырском подворье, в бывшей трапезной под звуки дребезжащего рояля начали...

Я был там. Гулкие своды, обшарпанные полы, слабый свет... Студийцы, собравшиеся здесь, вопрошающе смотрели на режиссера. Во многих глазах он прочел недоверие и ощутил в себе внутренний холодок: бросил клич, взбудоражил, а выйдет ли?..

И тогда режиссер понял, что если вот это первое занятие он проведет скучно, то все сто студийцев (в конкурсе участвовало почти семьсот человек!) завтра же разбегутся по домам, а потом их уже не заманишь.

...Вечером 22 мая 1960 года сцена театра была усыпана лепестками цветущей белой черемухи; ее терпкий запах пьянил, кружил голову. Зрители не уходили из зала; сгрудившись у сцены, они еще и еще раз вызывали актеров. А те, смущенные, раскланивались. Правда, некоторые не умели еще раскланиваться: они впервые переживали подобные минуты...

Так родилась первая национальная опера «Шивармань» («Водяная мельница») композитора Ф. Васильева и поэта Алги.

Затем поставили «Евгения Онегина». Теперь здесь признают, что

...студии спасли театр.

И вот уже третий год ежевечерне собираются студийцы...

Галина Михайлова, слесарь-сборщица электроаппаратного завода. Родом из деревни Шапкино, в сорока пяти километрах от Чебоксар. После работы занимается на дирижерском отделении музыкального училища, а потом в вокальной студии.

Римма Прокопьева днем работает в заводской столовой, вечером — в студии.

Августина Соснина, экономист статистического управления, студентка-заочница Казанского финансово-экономического института. По вечерам — тоже вокальная студия.

Иван Шамеев — каменщик строительного управления № 22. Вечером — вокальная студия.

Валентина Осанова, учительница химии в селе Кугеси, в пятнадцати километрах от Чебоксар. По вечерам — балетная студия.

Да и все остальные очень занятые люди. Они идут в студию не для того, чтобы заполнить свободные часы. Семь часов работы на производстве. И почти столько же — вечером в театре.

Принцип формирования студий иной, нежели в кружках художественной самодеятельности, куда вступают все желающие. Чтобы попасть в студию, нужно пройти конкурс.

С самого начала перед студийцами ставят профессиональную задачу — участие в спектаклях.

Программа студии, рассчитанная на четыре года, включает мастерство актера, сценическое движение, сольфеджио, музыкальную грамоту, историю театра.

И не удивительно, что постоянное общение с мастерами театра, усвоение их опыта приводят к тому, что режиссер или хормейстер считает возможным уже сейчас пригласить некоторых студийцев в театральную труппу. Одни перешли. Другие колеблются. Третьи решительно отказываются. Меня заинтересовали последние. Среди них — одна из самых способных, Августина Соснина.

— Рано еще мне,— отвечает девушка.

— А когда будет не рано?

— Не знаю. Трудный вы мне вопрос задали... Может, все время будет рано. Надеяться на голос как-то непривычно: сегодня хорошо пою, а завтра плохо. И актерской грамотой как следует не овладела...

В ответе девушки и неуверенность в себе (как это можно — жить голосом; то ли дело — оператор статуправления!) и высокая требовательность к своему призванию.

Главный режиссер, народный артист Чувашской АССР Б. Марков убежденно говорит о роли вечерних студий в создании творческой атмосферы в коллективе.

— Дух подвижничества, студийности необходим любому театру. Иначе он превращается в казенное учреждение. Даже если у нас будет большая профессиональная балетная труппа и хор, все равно будем работать со студиями.

Главный режиссер мечтает поставить оперу С. Прокофьева «Война и мир». Без студийцев эта задача невыполнима. Как невыполнима была бы без них постановка оперы Б. Мокроусова «Чапай», имевшая со дня премьеры

34 аншлага.

Для города с населением в сто тысяч это много.

Спектакль, на котором мы побывали,— внеочередной; о нем объявили лишь за несколько часов до начала. И все-таки зал был полон. Цветастые женские платки пестрели в каждом ряду.

...В глубине сцены лучи высвечивают экран в форме пятиконечной звезды. Мелькают кадры незабываемой киноленты: скачущий кавалерийский эскадрон, впереди Чапаев... Таков сценический эпиграф к опере.

Для людей, пришедших на спектакль, главный его герой — бесконечно близкий человек. Чапаев родился в деревне Будайка, она сейчас в пределах города Чебоксары — там высится конная статуя начдива.

Все, кто мог, помогали театру в постановке оперы. Нашлись и родственники полководца и его друзья. Серов, исполнитель заглавной роли, не раз беседовал с ними, искал внешние приметы: интонации, походку своего героя. Дотошный газетчик Н. Стуриков облазил архивы Москвы, Казани, Чебоксар и собрал неизвестные чапаевские документы: они помогли в работе над либретто. Полетело письмо в Челябинск: Денисов — Фурманов спрашивал чапаевского шофера В. Козлова, какими были командир и комиссар дивизии.

Немало в «Чапае» запоминающихся мелодий: дуэт Петьки и Анки «Ой, не сад цветет, не калинушка...», ария Чапаева «Помню, Волга, твои я разливы...» или — в шестой картине — «Что ты шумишь непогодой, хмуришься, старый Урал...». Причем ни одна мелодия не выглядит искусственно вставленной в оперу песней, а вплетается органически в развитие сюжета. Музыка «Чапая» не только напевна, она драматургична.

Кроме Чапаева и Фурманова, удачны образы матроса Саньки (артист Б. Шеломенцев), комбрига Беркута (артист В. Елфимов), Потаповой (артистка Т. Соколова), «разодетой особы» (ее исполняет сборщица завода электроизмерительных приборов А. Егорова).

23—25 марта москвичи тепло принимали гостей из Чувашии, показавших своего «Чапая» на кремлевской сцене.

...Чебоксарским энтузиастам радостно творить, потому что они творят радость.

Каждую репетицию, каждый спектакль они начинают с чувством, которое однажды выразил Станиславский:

— Сегодня у нас необыкновенный день...

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПОХОД ПРЕСТЕСА

В эти дни, когда Коммунистическая партия Бразилии отмечает сорок лет своего существования, откроем одну из золотых страниц истории бразильского народа — повествование о великом революционном походе непобедимой колонны Престеса в 1924—1927 годах.

Иногда в истории человечества происходят события, рассказывать о которых — дело не только ученых, но эпических поэтов и народных певцов. К таким событиям относится поход воинов Престеса через четырнадцать штатов огромной латиноамериканской страны.

5 июля 1924 года на юге Бразилии, в городе Сан-Пауло, восстали несколько армейских частей — восстали против реакционного правительства Бернардеса.

Президент Бернардес, прозванный народом «генерал-головорез», считал это восстание «военным бунтом». Но пришлось собрать целую армию для того, чтобы только выбить повстанцев из второго по величине города Бразилии. Революционеры-«паулисты» отошли на юго-запад.

В это время пламя восстания охватило всю южную окраину страны. Молодой капитан инженерных войск Луис Карлос Престес возглавил это движение.

«Наступил торжественный час, когда мы призваны помочь великому национальному делу!» — писал Престес в своем манифесте к бразильскому народу.

«...Вся Бразилия, от севера до юга, пламенно желает победы революционеров Сан-Пауло, так как они борются во имя любви к Бразилии, так как они требуют тайного голосования, требуют, чтобы на выборах уважалась воля народа; чтобы были конфискованы огромные состояния, скопленные членами правительства за счет государственной казны; чтобы правительство больше заботилось о помощи трудящемуся народу; чтобы Бразилия была сильной и единой...»

Программа Престеса была в те времена очень умеренной: в ней нет даже требования земельной реформы, уничтожения крупной собственности на землю и полурабских условий труда на плантациях.

Поход колонны Престеса начался почти стихийно. Восставшие части попали под удар правительственных войск и вынуждены были отходить для соединения с другими революционными отрядами в глубину страны.

Они шли через густые тропические леса, прокладывая себе дорогу тесаками. Путь до водопада Игуасу, расположенного на стыке границ Бразилии, Аргентины и Парагвая, дался им с величайшим трудом и опасностями. Из двух тысяч человек в колонне осталось только восемьсот. Но это было лишь начало — Престесу и его людям предстояло пройти еще 25 тысяч километров!

От Игуасу до центрального нагорья Бразилии колонна прошла, с необыкновенным искусством маневрируя, подтягивая на канатах орудия, на ходу формируя кавалерийские части.

Колонна освобождала заключенных, сжигала публично долговые расписки, налоговые ведомости и привлекала в свои ряды крестьян.

В конце 1925 года Престес пробовал продвинуться на восток, к жизненным центрам своей родины, но был отбит и решил уйти в северо-восточные штаты, в район наибольшей нищеты и эксплуатации: он рассчитывал найти там множество приверженцев.

Слава Престеса росла с каждым месяцем. Про него рассказывали, что он богатырь, что конь его летает по воздуху и что бойцы его непобедимой колонны неуязвимы для пуль. Мулаты, негры, индейцы, метисы бежали с плантаций, чтобы примкнуть к колонне революции.

Американский журналист Филипп Джордан писал в 1936 году: «Мы знаем только то, что горячее солнце Бразилии сотни и сотни раз вставало над головами этих героев, что они мокли под дождем и вязли в грязи и пыли; что часть людей умерла потому, что желудки были пусты, а другие люди погибли от лихорадки, что извилистые тропы, по которым они проходили, рвали в клочья их одежду — и они шли полуголые, с винтовками в руках. Жители деревень, через которые они проходили, восставали, благословляя их, и временами казалось, что армия Престеса может победить даже смерть, так как на место погибших приходили другие!..»

Навеки остались в памяти бразильского народа образы этих оборванных бойцов, длинноволосых, обросших бородами...

Путь непобедимой колонны выглядит на карте, как сложный узор из ниток. Вся восточная половина Бразилии исчерчена этим узором.

Коммунистическая партия Бразилии была еще молода и слаба и находилась в подполье. Решительной поддержки Престесу она оказать не могла, да и сам «рыцарь надежды» Престес в то время еще не пришел в ее ряды. С 1926 года у колонны начались неудачи, и она вынуждена была снова уйти в далекие центральные районы. Снова мучительно пробирались бойцы через болота, кишевшие ядовитыми змеями, через чащи, где вокруг лагерей по ночам бродили ягуары. Но все было преодолено. Колонна вышла к границе Боливии.

Это было в 1927 году, спустя два с половиной года после начала похода. Бразильская реакция все это время трепетала, тщетно пытаясь скрыть движение вооруженного народа. Но иностранные капиталисты, в руках которых правительство Бернардеса было простым орудием подчинения Бразилии, чувствовали, что под их ногами колеблется земля.

3 февраля 1927 года на утренней заре колонне был дан последний сигнал. Бойцы Престеса медленно прошли мимо братской могилы бойцов революции, прикрытой национальными желто-зелеными знаменами, и покинули территорию родной страны.

Здесь, на границе Бразилии, Престес словно прощался с большим этапом революции. Среди его соратников был Сикейра Кампос, участник легендарного восстания 1922 года в форте Копакабана, в Рио-де-Жанейро, где 17 юношей-кадетов и один гаушо под обстрелом пушек покинули форт и четким шагом вышли под пулеметы карателей.

От восстания в Копакабане до перехода боливийской границы Престесом — много времени, но за все эти годы знамя революции ни разу не склонилось.

Поход колонны многому научил Престеса и его соратников. Они осознали, что время партизанских маршей прошло и что для обновления Бразилии требуются более высоко организованные формы народного движения. В отрядах непобедимой колонны было немало людей колеблющихся, с мелкобуржуазными взглядами, были даже либеральные помещики. Программа их не предусматривала никаких социальных изменений. Самые главные вопросы — ликвидация крупных поместий, борьба с империализмом, положение рабочих — были обойдены молчанием.

И, однако, эпический марш бразильских «бородачей» не прошел даром. Он принес веяния свободы и призыв к вооруженному восстанию в самые отсталые районы Бразилии.

Дальнейший путь Престеса был не менее сложным. Но он вел бывших бойцов колонны в ряды коммунистов.

Когда в 30-х годах в Бразилии снова поднялась революционная волна, Престес был уже коммунистом. В манифесте к бразильскому народу 1935 года, выпущенном от имени Национально-освободительного альянса (союза), появились новые слова: «...Мы, альянсисты всей Бразилии, сегодня еще раз высоко поднимаем знамя «Восемнадцати из Форта»... после того, как оно прошло всю Бразилию от юга до севера... Кто сегодня посмеет отрицать, что нас варварски и жестоко эксплуатирует империалистический финансовый капитал?.. Разделение страны на зоны влияния тех или иных империалистических группировок с каждым днем принимает все более определенные формы...»

Впервые в этом манифесте названы США и Англия как державы, непосредственно угрожающие свободе и единству Бразилии.

«...С альянсом,— писал Престес,— будут все героические участники вооруженных восстаний, происходивших в стране с 1922 года...» Престес обращался к широким массам населения — к рабочим, интеллигенции, крестьянам, солдатам, женщинам, всем честным демократам, всем бразильским патриотам.

«Все на борьбу за национальное освобождение Бразилии!» — призывал «рыцарь надежды».

Нелегкая дорога у Коммунистической партии Бразилии. До сих пор в этой стране она не легализована. Труден и личный путь самого Престеса.

Престес был арестован на территории Бразилии в марте 1936 года, после восстания в Рио-де-Жанейро. Свирепым пыткам подвергали революционеров в застенках. Поразительно, как могли все это вынести измученные узники. Но они вынесли. Престес был приговорен к 46 годам и 8 месяцам тюрьмы.

После окончания второй мировой войны под давлением народных масс его освободили.

В наши дни легендарный герой бразильского народа — генеральный секретарь коммунистической партии. В конце 1961 года он сказал корреспонденту журнала «Новое время»: «Бразильские коммунисты, принимавшие деятельное участие в разгроме реакционного заговора (речь идет о недавнем заговоре против президента Гуларта.— В. В.), будут всеми силами бороться за объединение демократических и патриотических сил. Мы считаем, что создание Фронта национального освобождения, предложенного Бризолой, Боржесом и другими прогрессивными государственными и общественными деятелями, открывает путь для еще более широкого и демократического движения, которое приведет к полному национальному освобождению».

Давно закончился поход непобедимой колонны, но ее ветераны и ее наследники продолжают свой путь рука об руку со всеми честными людьми Бразилии.

В. ВЛАДИМИРОВ

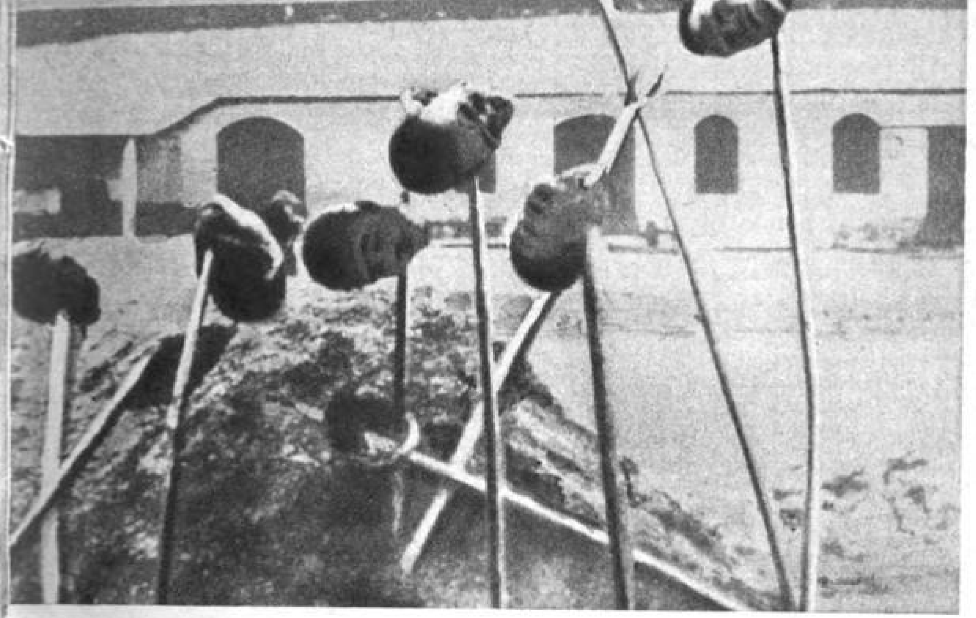
ВОТ ОН

Королевские похороны

Похоронные дроги, запряженные восьмеркой лошадей, медленно двигались по улицам Неаполя. Хоронили человека с громким именем, скончавшегося на аэродроме за десять минут до встречи с американским кинопродюсером, собиравшимся снять фильм о его жизни. Покойник не был государственным деятелем или столпом культуры. Он был гангстером. Правда, необычным. «Императором порока и королем преступного мира» называли его газеты. Сальваторе Лучанна, известный под кличкой Лаки Лучиано, в течение многих лет руководил огромной между-

…А — «ЦИВИЛИЗАЦИЯ» КОЛОНИЗАТОРОВ!

Снимки из далекой Анголы...

С высокой трибуны ООН представители многих стран клеймили позором португальских колонизаторов, решительно требовали положить конец кровавым преступлениям в Анголе. Только за последний год зверствующие каратели убили в Анголе около пятидесяти тысяч африканцев. Тогда, в январе, представитель Португалии в ООН пытался выступить в роли защитника господ колонизаторов, которые якобы проводят в Анголе политику мира и расового примирения, выступают в этой африканской стране в роли милосердных опекунов и гуманных цивилизаторов.

Эти лицемерные слова прозвучали в те дни, когда в Португалии поднялась новая волна народного возмущения. «Ни свободы, ни морали, ни хлеба» — так охарактеризовал положение страны один из лидеров португальской оппозиции. Казнями и тюрьмами пытается удержаться фашистский режим Салазара, приведший страну к экономическому банкротству, к нищете широких народных масс, принесший Португалии мрачную славу страны с высоким процентом неграмотности, страны диких феодальных пережитков.

О какой же цивилизаторской миссии Португалии может быть речь? О какой гуманности позволительно говорить, глядя на этих охотников за человеческими головами?

Прогнивший режим Салазара не смог бы удержать африканские колонии Анголу и Мозамбик, где живут более 10 миллионов человек. В этих странах с каждым месяцем все шире и яростней развертывается борьба народов за свою свободу. Но Португалии помогают другие империалистические державы — США, Англия, ФРГ. Известно, что американские монополии сосут нефть Мозамбика, англо-американо-бельгийский трест «Ангола даймонд» захватил в свои руки добычу ангольских алмазов. Португалия, как партнер по различным планам «обороны», получила от США оружия и боеприпасов почти на 300 миллионов долларов. Только круговая порука колонизаторов позволяет фашистской Португалии продолжать истребительную войну в Анголе вопреки решениям ООН, принятым по инициативе Советского Союза, вопреки разуму и совести человечества.

Неудержимо растут освободительные силы Африки. На их стороне все честные люди. Недалек день, когда убийцы и палачи предстанут перед грозным судом народов.

народной бандой торговцев живым товаром и наркотиками. И не только благополучно уходил от рук полиции, но и считался почтенным и респектабельным гражданином. Настолько почтенным, что отпевал его сам епископ...

Шансонетка из монастыря

Перед вами сестра Габриэла из доминиканского монастыря Фишермон, что в двадцати километрах от Брюсселя. Благочестивая христова невеста сфотографирована во время молитвы. Но это не главное ее занятие. Воздав хвалу всевышнему, сестра Габриэла берет в руки гитару и приступает к своей основной работе — начинает распевать шансонетки. «Их тексты,— не без иронии замечает западногерманский журнал «Бунте иллюстрирте — Мюнхнер иллюстрирте»,— полны поэзии; в них можно встретить такие, например, прелестные формулировки, как: «Облака показывают нос дорогому боженьке». Церковное начальство, пишет журнал, одобрительно относится к вокальным упражнениям сестры Габриэлы. Настоятельница монастыря заботится о том, чтобы ее обитель не прослыла старомодной: ведь тогда и прихожан будет меньше и пожертвований...

Конгресс наследников

В Ангулеме состоялся необычный конгресс, на который собралось более тысячи человек, съехавшихся со всех концов Франции и из других стран. Это были участники «Синдиката наследников Малле», объединяющего 2 673 родственника, которые претендуют на наследство в 500 миллионов долларов, замороженных в США.

Почти два столетия назад француз Жан-Пьер Малле, охваченный золотой лихорадкой, эмигрировал в Соединенные Штаты и нажил там крупное состояние.

Весть о смерти заморского дядюшки всколыхнула родственников по всей генеалогической линии. Они потребовали выдачи наследства, но американское казначейство отклонило их претензии под тем предлогом, что богатства, накопленные в Америке, не могут быть вывезены из США.

В 1888 году правительство вынесло постановление о замораживании наследства Малле. Наследники Малле, образовавшие специальный синдикат, на конгрессе в Ангулеме приняли решение биться до конца. Они обратились к французскому и американскому правительствам с просьбой решить вопрос дипломатическим путем. Одновременно делегация наследников направилась в Америку, чтобы в случае отказа США разморозить наследство начать судебный процесс против американского казначейства.

Собачья жизнь

Страницы западных журналов забиты сейчас восторженными репортажами о крупнейшем пассажирском судне мира — «Франс» («Франция») и о сверхкомфорте, созданном на его борту. На снимке вы видите установленную на палубе «Франс», в месте, выделенном для прогуливания собак, настоящую уличную тумбу из Парижа. Как видите, администрация идет на все, чтобы четвероногие пассажиры чувствовали себя как дома. Тем более что за это неплохо платят. Стоимость каюты на «Франс» за пять дней пути — от двухмесячного до двухлетнего жалованья французского квалифицированного рабочего.

Роковая экскурсия

Во французском городе Карселль, недалеко от Лиона, в течение двадцати лет не случилось ни одного пожара. Однако пожарная команда города в составе пятнадцати человек аккуратно несла дежурства, проводила учения и держала все снаряжение в полной готовности.

За усердную службу муниципальный совет города решил премировать всю команду во главе с брандмейстером бесплатной экскурсией на зимние состязания в Шамони. Проводы были торжественные.

Через час после отъезда команды вспыхнул пожар в здании муниципалитета. Мэру пришлось вызывать пожарных из соседнего города. Когда они наконец прибыли в Карселль, от муниципалитета остался один фундамент.

«Бармалей».

Л. КАФАНОВА,
О. КНОРРИНГ

„Бармалей"

— Я злой разбойник Бармалей,— угрожающе-нарочитым басом рычит мрачная личность в шубе, вывороченной наружу мехом, в маске с огромным красным носом и черными усами. От страха и восторга взвизгивают ребятишки, весело хохочут взрослые. В семье Кнорре идет традиционное представление детской оперы «Бармалей».

Вот уже почти тридцать лет в праздничные вечера звучит в доме эта опера. Написана она еще в те далекие времена, когда первые ее исполнители, старшие дети Георгия Федоровича Кнорре, были совсем малышами. А теперь ее исполняют все семеро его детей, их жены, мужья, дети.

Автор «Бармалея»

Кто же такой Георгий Федорович Кнорре, родоначальник этой большой, дружной семьи? Композитор?.. Не будем спешить с ответом, а попробуем задать этот вопрос студентам Высшего технического училища имени Баумана.

— Кнорре,— услышим мы ответ,— наш профессор, заведующий кафедрой котельных установок, доктор технических наук, один из крупнейших специалистов по физике горения, создатель цикличных топок, имеющих огромные перспективы.

— Ну а музыка?

— Музыка — моя «грешная любовь»,— признается Георгий Федорович.— Ей я уделял не более пяти процентов своего времени.

И это действительно так. Он прекрасно играл на рояле и скрипке, ухитрялся выкраивать время и сочинять музыку для себя.

Но вот в семью вошел профессиональный музыкант, доцент Московской консерватории Вера Горностаева — жена младшего сына, Вадима. Услышав музыку Георгия Федоровича, она предложила исполнить ее в открытом концерте в Московском Доме ученых. Концерт из произведений Георгия Федоровича прошел с большим успехом и впоследствии повторялся еще несколько раз.

...Нелегкое это дело — воспитать семерых. Немало неприятностей и огорчений перенесли родители: бессонные ночи, когда дети хворали, постоянные заботы о том, как их одеть, а подчас и чем накормить — были ведь и тяжелые годы — годы разрухи, годы войны... Но это уже в прошлом. Дети выросли. Все здоровы, и из всех, как говорится, вышел толк.

Редактор «Бармалея»

Перед нами пожелтевшие, ставшие хрупкими от времени, сшитые в тетради бумажные листы. На первой странице каждой тетради большими буквами написано: «Бармалей».

...1943 год. Война. Профессор с шестью детьми (седьмой, Кирилл, был в армии) эвакуировался из осажденного Ленинграда в Куйбышев. Вся семья ютится в маленькой проходной комнатушке, бывает холодно, бывает голодно. Но Кнорре остаются прежними — приветливыми, общительными, живо интересующимися всем, что происходит вокруг, умеющими напряженно работать и весело, интересно проводить немногие свободные часы.

Именно в это трудное время и начал выходить семейный журнал «Бармалей». Его душой и редактором был старший сын Георгия Федоровича, Алексей, ныне профессор Ленинградского педиатрического института, доктор биологических наук.

Рассказывают, что Алексей с детства необычайно любил животных. Часами простаивал он у клеток в Зоологическом саду, а вернувшись домой, рисовал зверей. Свои первые увлечения Алексей Георгиевич сохранил на всю жизнь. Недаром ленинградские студенты называют его профессор-художник. К своим лекциям по зоологии он тут же, на доске, мелом набрасывает иллюстрации. Рисунки так живы и выразительны, что студенты просят не стирать их с доски.

Алексей Георгиевич — редактор научного журнала «Архив анато-

Аглая Георгиевна — скульптор.

—Я уже бабушка.

Марьяна Георгиевна. Разные бывают обязанности у инженера.

Человек, который побывал на Луне.

Кто же такой Георгий Федорович Кнорре?

мии, гистологии и эмбриологии». Однако начинал он свою редакторскую деятельность в «Бармалее».

В создании журнала участвовала вся семья, от десятилетней Марьяны до Георгия Федоровича. Сводки Информбюро, патриотические стихи перемежались с веселыми и грустными рассказами об «эвакобытии», с забавными карикатурами.

...На одном из рисунков Георгий Федорович склонился над своим трудом «Топочные процессы», а вихрастый мальчуган мешает ему работать. Под рисунком подпись — совет художника задать шалуну «шлепочные процессы». Трудно узнать младшего сына Георгия Федоровича, Вадима, в этом озорном мальчике. Сейчас он физик, пишет диссертацию. Как и у всех Кнорре, у Вадима, помимо работы, есть еще и вторая страсть — теннис. Кроме того, он заядлый автомобилист и, можно сказать, объездил на машине всю страну.

Человек, который побывал на Луне

Если Вадим объездил страну, то Дмитрий обошел ее пешком. Его увлечение — туризм.

Дмитрий Георгиевич — ученый, работающий над проблемой синтеза белка, кандидат химических наук, заведующий лабораторией в Новосибирском институте органической химии АН СССР. А в семье над ним до сих пор подтрунивают, задавая каверзные вопросы о его путешествии на Луну.

...Когда Дмитрию было лет восемь, он, начитавшись Жюля Верна, только и мечтал отправиться на Луну. Старшие братья, Алексей и Кирилл, решили помочь ему в этом. Они соорудили пушку из картона, сколотили фанерный ящик и, забравшись в него вместе с Димкой, полетели на Луну. Вся эта мистификация была настолько продумана, что малыш целый год был убежден, что побывал на Луне, и никто из взрослых не мог разубедить его.

Томик стихов

Высокий, худощавый человек с седой головой и синими глазами— Кирилл Георгиевич Кнорре, кандидат технических наук, ученый-радиофизик. Первое, что бросается в глаза в его комнате, — это книги. Книги по физике, радиотехнике, живописи, музыке. А в отдельном шкафу — стихи, богатейшая библиотека поэзии. Многие сборники подарены хозяину самими авторами. Вот томик стихов Н. С. Тихонова. На титульном листе надпись: «Кириллу Георгиевичу — веселому человеку, любителю тайн природы, от человека веселого по природе и не заключающего в себе ничего таинственного». Поэт подарил ее, когда они вместе путешествовали в горах Кавказа.

Кирилл Георгиевич и сам пишет стихи, хотя не придает им никакого значения. Однако ни один праздник, ни одно семейное торжество не обходится без его импровизаций.

Три сестры

Старшая — Ксения.

В лаборатории академика А. П. Виноградова Института геохимии АН СССР нас встретила невысокая миловидная женщина с гладко зачесанными назад русыми волосами. Она показалась нам очень молодой, и, когда мы сказали ей об этом, она рассмеялась:

— Мой возраст ничтожен по сравнению с теми цифрами, которыми мы оперируем, определяя возраст земных пород. Но это шутка. На самом-то деле я уже бабушка.

Удивительная женщина Ксения Георгиевна! Мать троих детей, она много времени сумела отдать науке, защитила диссертацию на звание кандидата химических наук. Живет она в Кунцеве, в маленьком домике, где надо топить печь, носить воду.

— И как это вы все успеваете?

— А я и не успеваю, — смеется Ксения Георгиевна.

Но это снова только шутка. Ксения Георгиевна прекрасно справляется с большой научной работой, со своим сложным хозяйством, занимается спортом, увлекается садоводством.

Склонность к искусству, присущая всем Кнорре, нашла свое наиболее полное воплощение в профессии Аглаи. Она скульптор. Многие ее произведения были удостоены премии на всесоюзных и молодежных выставках, ее скульптуры и барельефы украшают вестибюли и здания московского метро, шлюзы Волго-Дона. А четырехметровая фигура «Девушка с колосьями» установлена в Варшавском дворце науки. Первую премию на конкурсе получила и недавняя работа Аглаи — памятная медаль «Волгоград — город-герой».

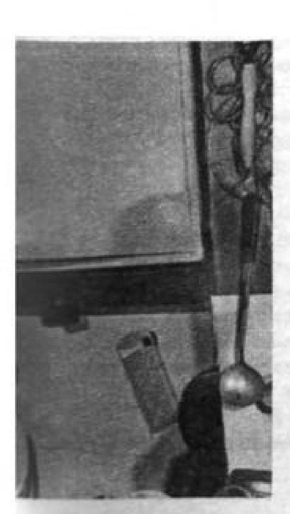
Сейчас Аглая работает над портретом отца. Он позирует ей в своем кабинете.

Так случилось, что после смерти матери все заботы об отце, хлопоты по хозяйству легли на плечи младшей дочери Марьяны, а у нее еще и своя собственная семья — муж, ребенок. Но ведь Марьяна тоже Кнорре — энергичная, трудолюбивая. Несмотря на все трудности, она окончила недавно Полиграфический институт, получила диплом инженера.

Растет семейство Кнорре. У Георгия Федоровича количество внуков приближается к двадцати, совсем недавно он стал прадедушкой.

Человеческое счастье!

Разные люди вкладывают в эти слова разный смысл. Но мудрецы говорят, что истинно счастлив тот, кто вырастил хороших детей.

Кирилл Георгиевич в лаборатории института.

Редактор «Бармалея».

Вадим Георгиевич. Когда в квартире все засыпают...

Атакует Олег Базилевич.

Футбол

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Фото А. Бочиннина.

Эта весна особенно значительна для всех, кто любит футбол. И пусть еще крепки утренние морозцы, разговоры о Чили, думы о Чили живут и на улице Горького, и на Невском проспекте, и там, за хребтом Урала, и, наверное, у вас, где бы вы ни были.

А здесь, на юге, футбольное событие, которое нетерпеливо ждут на всех широтах, кажется уж совсем близким. Здесь час за часом упрямо трудятся ребята в синих тренировочных костюмах. Высоко в горах на солнечной волейбольной площадке идет необычное волейбольное состязание: трое на трое, и мяч принимается и передается грудью, головой, ногами. Со стороны посмотришь — забавно, и делается все это легко. А представишь себя на площадке — подумаешь: «Какой же надо владеть техникой, чтобы выполнять все эти трюки...»

— Сегодня нагрузка маленькая,— говорит нам Вячеслав Дмитриевич Соловьев, когда-то соратник Григория Федотова и Всеволода Боброва, теперь тренер киевского «Динамо», чемпиона страны,— так, знаете, разминка. Завтра первый тренировочный матч!.. Надо крепко верить в себя, чтобы завоевать золотые медали, и для нас не было неожиданностью, что мы нарушили многолетнюю традицию, по которой первенство передавали друг другу москвичи. Звучит не-

---

ФЕЛЬЕТОНЫ МАРКА ТВЕНА

Великодушный аптекарь

Речь на банкете аптекарей

Когда-то, наверно, тысячу лет назад, я служил учеником в типографии. Вместе со мной там учились ремеслу печатника еще трое мальчишек приблизительно моего возраста. Однажды к нам в городок приехал из какого-то захолустья долговязый парень лет девятнадцати. У него были рыбьи глаза и лицо, лишенное всякого выражения, без намека на улыбку,— такой, хоть ты ему заплати, не улыбнется! Мы подумали, что он глуп, и решили напугать его как следует. Мы отправились к аптекарю и попросили одолжить нам скелет. Этот скелет не принадлежал аптекарю, а был им привезен по заказу местного доктора, который из чувства такта поручил аптекарю выписать его из другого города. В те времена скелеты стоили пятьдесят долларов штука. Не знаю, почем они теперь, вероятно, вздорожали в связи с высокими тарифами. Часов в девять вечера мы вынесли скелет из аптеки. У нас все было продумано: назначить этому парню — его звали Никодемус Додж — встречу в центре города, а когда он уйдет из дому, положить скелет к нему в постель. Он жил на пустыре, на окраине, в маленькой деревянной лачужке. Мы прогулялись с ним по городу, но провожать не пошли. Мы заранее ликовали, что наша затея так блестяще удалась. Но мало-помалу веселье куда-то испарилось, тревожные мысли стали одолевать нас. А вдруг этот Додж так испугается, что лишится рассудка и будет кричать и бегать по улицам? Прощай тогда наша тихая, спокойная жизнь! Мы уже волновались не на шутку. Наконец один из ребят выговорил с побелевшими губами: «Сходим, посмотрим, как там он...» Мучимые раскаянием, мы подошли к его дому и заглянули в окошко. И что, вы думаете, мы увидели? Сидит себе наш долговязый на кровати и угощается огромным имбирным пряником. Откусит от него кусок, потом поиграет на губной гармошке и опять за пряник. А вокруг разбросаны игрушки, безделушки, пестрые леденцы. Он пошел, черт этакий, и продал скелет за пять долларов. Скелет аптекаря, которому цена была пятьдесят! В слезах мы побежали к аптекарю и рассказали ему всю правду. Где нам было взять пятьдесят долларов? Такой уймы денег нам не набрать за двести пятьдесят лет! Первый год типографский ученик работал за стол и одежду, второй — за одежду и стол, а третий — либо так, либо так. Аптекарь сказал, не задумываясь, что он нас прощает, но что он хотел бы получить наши скелеты, когда они нам уже не будут нужны. Справедливо, правда? Мы дали ему свои расписки и ушли успокоенные. Впрочем, на том и кончилось благоденствие нашего аптекаря. Более неудачной спекуляции он, наверно, никогда не замышлял.

Через некоторое время один из моих товарищей утонул. Стало, значит, на один скелет меньше, и аптекарь был крайне удручен. Прошло еще несколько лет, и другой парень из нашей четверки полетел на воздушном шаре. Ему обещали за это по пять долларов в час. Небось, ему уже будет причитаться миллион долларов, когда

На русском языке публикуются впервые.

начинается!

сколько самонадеянно? Пожалуй, нет. Вспомните: перед золотыми медалями были серебряные... В современном, очень сложном футболе самое главное — ансамбль, сыгранность. Именно это рождает стиль команды, позволяет ставить и решать любые тактические задачи. Наши ребята вот уже три года играют в одном составе. И, кроме двух ветеранов — вратаря Олега Макарова и полузащитника Юрия Войнова,— все молодежь!.. Нам остается только и дальше пополнять коллектив молодыми. Это мы и делаем. Если не считать опытного мастера вратаря Бориса Разинского, перешедшего к нам, все остальные совсем юные. Видите, как старается на площадке тот черноглазый хлопчик? Это наш Кузя, новый крайний нападающий в дубле. Имя-то его, правда, Николай, фамилия — Кузменко. Но ребята прозвали Кузей, относятся к нему, как к младшему братишке, помогают, опекают, так сказать, коллективно... Его ровесник, тоже восемнадцатилетний, Федя Медведь пришел к нам из ужгородской «Верховины». Хвалить парня сразу плохо, но, между нами говоря, прочим Федю в центральные нападающие основного состава.

...Автору этих строк вспоминается, как много лет назад, вот так же ранней весной, готовились к сезону армейские футболисты Москвы, признанные лидеры. И тогда поражал огромный труд спортсменов, насыщенность и напряженность тренировочного процесса. Но теперь все это кажется просто разминкой.

Стремительно прогрессирует футбол. Виктор Васильевич Терентьев, один из тренеров киевского «Динамо», в прошлом популярный спартаковский нападающий, говорит, что все, что когда-то умели лучшие мастера, надо примерно раз в десять умножить, во столько же раз ускорить, и тогда получится современный мастер. Хитроумные финты Владимира Демина или Николая Дементьева теперь никого уже не поразили бы. Высокая техника, накопленная годами и исканиями, должна все время развиваться, иначе провал, отставание. Техника не одного или двух, а всего коллектива; стремительность не одного или двух выдающихся солистов, а всего ансамбля.

У мастеров 1962 года почти не бывает перерыва на отдых. Уже в январе началась в командах тренировочная страда — в спортивном зале, на снегу. Лыжные кроссы сменялись занятиями со штангой; почти все виды легкой атлетики — играми с мячом... А ведь вся наша футбольная молодежь учится. Динамовцы Киева — и вовсе студенческая команда.

Динамовцам придется начать сезон не в полном составе. В сборной страны готовятся к чемпионату мира Виктор Каневский, Иосиф Сабо, Виктор Серебряников. Но замена есть. Тот же Федя Медведь и Валентин Веригин, только что пришедший из юношеской команды, свои по «почерку».

— Мы постараемся,— говорят ребята,— было бы все у наших в порядке в Чили. А почему и не быть в порядке?..

Гагра.

Ратоборец за слово русское

Алексей Югов

Писателю Алексею Югову исполнилось шестьдесят лет. Обогащенный опытом большой, деятельной жизни, полный душевных и творческих сил, переступает он этот рубеж.

Какое, в сущности, относительное понятие — возраст! Только когда человек малодушно скажет себе, что стар, он сам же воздвигнет себе пределы. Для натуры творческой, для трудолюбивого огня души нет сроков, нет остановки, нет предела...

Печататься А. Югов начал в «Сибирских огнях», этой колыбели многих наших писателей. Он вошел в литературу, имея за плечами опыт работы участкового врача. Тогда и был создан писателем первый его роман — «Бессмертие».

По глубине своих изысканий, по широте своей эрудиции писатель Югов является подлинным исследователем. Как ученый-историк выступает он в романе «Ратоборцы» — о Руси времен Александра Невского, когда народ набирал силы, чтобы сбросить монгольское иго. Затем А. Югов переводит бессмертное «Слово о полку Игореве»; писателю удалось заново расшифровать и уточнить немало текстов, остававшихся неясными, спорными или искаженными.

Югов обладает драгоценным свойством: прошлое, история не уводят его от настоящего; изучение мужественной борьбы наших предков дает писателю ключ к правдивому показу трудового и гражданского героизма современников. Такова книга «Свет над Волгой» — о строителях Волжской ГЭС.

Кроме названных произведений, А. Юговым созданы книги об ученых — «Павлов», «Тимирязев», роман «На большой реке» и серия страстных, боевых статей о русском языке — в защиту его чистоты, самобытности и народности. Алексея Югова по праву можно назвать ратоборцем за слово русское. Не только в своих статьях, посвященных вопросам языка, но и в романах писатель дискутирует, полемизирует, встает на защиту родной речи, ведет неустанную борьбу за великий русский язык.

Это углубление в изменчивые пучины разговорной речи, поиск языковых закономерностей каждой эпохи требуют музыкальной чуткости, знания истории и беззаветной любви к родному народу.

Автор «Ратоборцев» несет свою писательскую вахту с неиссякаемым пылом патриота и художника.

Ксения ЛЬВОВА

он вернется на землю! Итак, имущество аптекаря таяло на глазах. Прошло еще несколько лет, и третьему парню вдруг вздумалось проверить, взорвется ли динамитный заряд. Представьте себе, эксперимент удался. Кое-что от него потом нашли, правда, столько, что все это можно было спрятать в жилетный карман, но это служило достаточным доказательством, что и на сей раз пострадала собственность аптекаря. Сам он уже был в годах, и вот он начал переписку со мной. Я стал для него самым дорогим корреспондентом. Это чудесный человек, добрейшая душа, просто редко такого встретишь. Он никогда меня не торопит, ни на что не намекает, всегда исключительно вежлив, ни разу не назвал мою костную систему скелетом. Он только спрашивает очень деликатно: «Ну, как она держится, сохраняете ли Вы ее в порядке?» Недавно прислал мне телеграмму, воспользовавшись ночным удешевленным тарифом. В этой телеграмме говорится, что он состарился, имущество постепенно теряет цену, так вот, не могу ли я отдать ему часть своего долга теперь, а на остальное он готов продлить мне срок. Подумайте, как все это мило и благородно! Право, это редкого благородства человек! И такая чуткость свойственна всем аптекарям! Так разрешите пожелать вам от всего сердца богатства и счастья!

Жизнь, как я ее вижу

В Филадельфии живет один человек, который был в детстве очень беден. Как-то раз пришел он в банк и говорит:

— Позвольте спросить, сэр, не нужен ли вам мальчик на побегушках?

— Нет, дитя мое,— отвечает ему осанистый джентльмен,— мне не нужен мальчик на побегушках.

Милый мальчик, не в силах вымолвить ни слова от горя, сунул в рот кусок лакричной жвачки, которую он купил за цент, украденный у доброй благочестивой тетушки, и, громко всхлипывая, обливаясь слезами, спустился по мраморным ступеням на улицу. Банкир изогнул свой благородный стан и укрылся за дверью: ему вдруг показалось, что мальчик собирается бросить в него камень. А мальчик в это время поднял что-то с земли и приколол к своей бедной, но неопрятной курточке.

— Поди сюда, дитя мое,— позвал его банкир и, когда тот подошел на близкое расстояние, вопросил со всей строгостью:

— Что ты поднял с земли, отвечай!

— Булавку,— сказал мальчик.

— Мальчик, а ты хороший? — спросил банкир.

— Хороший,— сказал мальчик.

— А за какую партию ты голосуешь? Виноват, не то спросил, воскресную школу посещаешь?

— Посещаю,— сказал мальчик.

Тут банкир взял перо из чистого золота, обмакнул его в красные, как кровь, чернила и что-то изобразил на листке бумаги.

— Вот тут я написал «св. Фекла»,— сказал он.— Знаешь ты, что это означает?

— Свежая свекла,— ответил мальчик.

— Нет, дитя мое,— поправил его банкир,— святая Фекла!

— О! — воскликнул мальчик.

Тогда банкир сделал его своим компаньоном и дал ему половину своих прибылей и весь свой капитал, и мальчик женился на дочке банкира, и теперь все, что у него есть, все, все его собственное.

Мне рассказал эту историю мой дядюшка, и после этого я целых шесть недель подбирал булавки у входа в банк. Я все ждал, что выйдет банкир и спросит меня: «Мальчик, а ты хороший?» И я скажу ему, что да, а если он начнет спрашивать, знаю ли я, что означает «св. Фекла», я скажу: «свежая свекла». Но банкир не нуждался в компаньоне, и у него, вероятно, был сын, а не дочка, потому-то он однажды выходит и говорит:

— Эй, мальчик, поди-ка сюда! Что ты там подбираешь?

— Булавки,— отвечаю я робко-преробко.

— Ну-ка, покажи! — говорит он и берет их у меня.

А я уже стою наготове: стащил шапчонку, чтобы войти в банк, и стать его компаньоном, и жениться на его дочке. Но он меня не пригласил. Он мне сказал так:

— Эти булавки принадлежат банку, и если я тебя еще раз здесь увижу, я спущу на тебя собак!

Ну, я и ушел, а этот поганый старикашка присвоил себе мои булавки. Вот вам жизнь, как я ее вижу.

Перевела с английского В. ЛИМАНОВСКАЯ.

ТАЕЖНЫЕ ЖИТЕЛИ

Однажды в далеком таежном поселке на реке Вилюй появились новоселы: Мишка и Машка. Они оказались очень общительными. Вот вышла из дома их новая знакомая. Любопытная Машка уже торопится навстречу. А вдруг в кастрюле лакомство?

Любят медвежата ходить в гости. Но хозяева почему-то дальше порога стараются их не пускать.

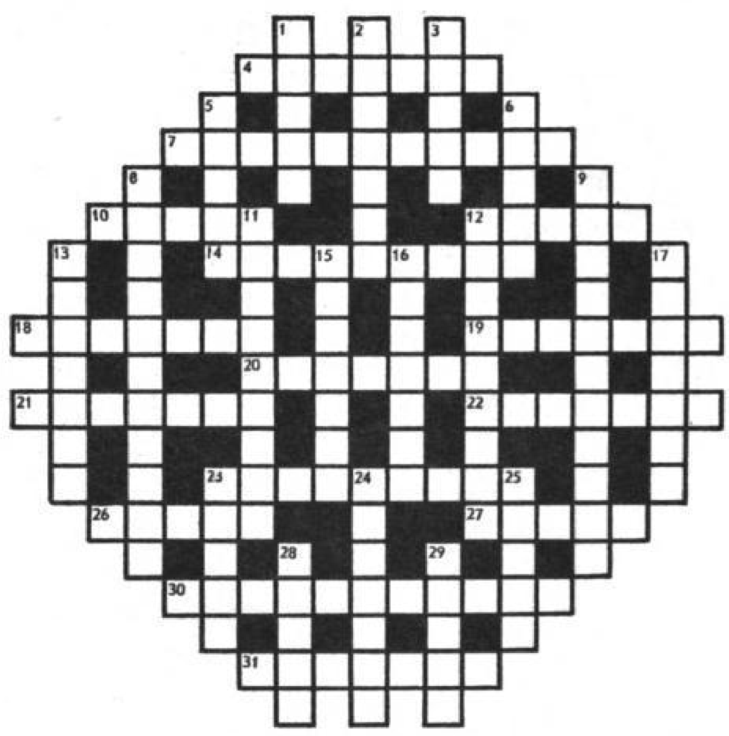
Зато на дереве Мишка как у себя дома. Сам себе хозяин!

В. СТАРИКОВ

Фото Я. Рюмкина.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Основоположник русской шахматной школы. 7. Способ прививки деревьев. 10. Украшение из цветов. 12. Часть стены, украшенной живописью. 14. Род занимательной задачи. 18. Представитель восточных славян. 19. Река в Красноярском крае. 20. Быстрое повторение одного звука. 21. Поэма А. Жарова. 22. Город в Югославии. 23. Сорт яблок. 26. Французский художник XIX века. 27. Страна в Африке. 30. Записи для учета. 31. Созвездие северного неба.

По вертикали:

1. Тихоокеанская лососевая рыба. 2. Классик армянской музыки. 3. Тонкая ткань. 5. Стремительно текущая вода. 6. Постоянная заработная плата. 8. Часть речи. 9. Отдел зоологии. 11. Произведение О. Бальзака. 12. Верхний брус двери. 13. Морское беспозвоночное животное. 15. Металл. 16. Непряденая нить. 17. Мелкий виноград. 23. Азербайджанский актер, народный артист СССР. 24. Элементарная частица. 25. Имя одного из сыновей Манилова в «Мертвых душах». 28. Горы в Румынии. 29. Длинная широкая одежда.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

5. Шелкопряд. 7. Хлорофилл. 10. Идеал. 11. Медео. 12. Корнеплод. 13. Городки. 15. «Контора». 17. Корзина. 20. Электродинамика. 23. Штурвал. 25. Участие. 27. Анапест. 29. Агрономия. 30. Тальк. 31. Ибсен. 32. Лирохвост. 33. Сенбернар.

По вертикали:

1. Дездемона. 2. Грузовик. 3. Форточка. 4. Аллегория. 6. Кладно. 8. Фрегат. 9. Снегозадержание. 14. Делегат. 16. Наживка. 18. Обрат. 19. Нанка. 21. Речитатив. 22. Расстегай. 23. Шелгунов. 24. Лабиринт. 26. Сольдо. 28. Прибор.

М. Авилов. ЧАПАЕВ.

Короткие басни

Михаил БЫКАДОРОВ

ЛИСА

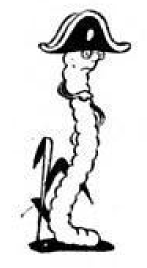
У птичника
Лиса
Визжала звонко:
«Под суд Хорька!
Он проглотил
Цыпленка!»

Сама Лисица
Съела Петуха,
Но за собой
Не чуяла греха.

КОРЯГА

Торчит
Коряга
Из реки,
Коряга
Топит челноки...
Но мнит
Коряга из коряг:
«Я не коряга,
Я маяк!»

ЧЕРВЯК И ДУБ

Ползет по Дубу:
«Захочу —
Всего,
До сердца,
Источу!»
Друзья,
Бывает в жизни
Так:
Сильнейшему
Вредит
Червяк.

Ташкент.

Кавалерийская

Музыка Бориса МОКРОУСОВА

Слова народные

По горам Уральским, по степным долинам
Пролетают кони легче птичьих стай.
Пролетает с песней, с саблей золоченой
Впереди отрядов боевой Чапай.
Колчаковцы-волки вдоль по степи рыщут,
Заливают кровью села, города...
Но Чапай нагонит, но Чапаев сыщет,
Громовым ударом поразит врага.
Все быстрей и дальше мчатся наши кони,
Все грозней и громче сабель перезвон.
И летят за нами слава и победа,
Раскидав по ветру алый шелк знамен.

На первой странице обложки — фото М. Савина.

На последней странице обложки: Скоро прилетят скворцы...

Фото Я. Рюмкина.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото—Д 3-35-48; Оформления—Д 3-38-44; Писем—Д 3-36-28; Литературных приложений—Д 3-30-39.

А 00448. Подписано к печати 28/III 1962 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 550. Заказ № 911.

Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, А-47, ул. «Правды», 24

Цена номера 30 коп.